

18+

КОД
RAMMPROJECT

— ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ —

ОКСАНА КУЗНЕЦОВА

Оксана Кузнецова
Код RammProJect:
Параллельные миры

<https://litres.ru/74544458>

ISBN 9785007136914

Аннотация

Кира и Оксана находят на компьютере странный файл. Кира не рискует его открывать, сомневается. Но Оксана открывает, и обе девушки попадают в параллельный мир. Помимо них туда же попадают музыканты из группы Rammproject. Смогут ли эти шестеро пройти начертанный им путь вместе, или им придется действовать поодиночке?

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Глава 4.	21
Глава 5.	26
Глава 6.	31
Глава 7.	37
Глава 8.	42
Глава 9.	47
Глава 10.	52
Глава 11.	58
Глава 12.	63
Глава 13.	68
Глава 14.	74
Глава 15.	80
Глава 16.	85
Глава 17.	91
Глава 18.	97
Глава 19.	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Код RammProject: Параллельные миры

**Оксана Александровна
Кузнецова**

© Оксана Александровна Кузнецова, 2026

ISBN 978-5-0071-3691-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Перед тем, как погас свет

Оксана сидела, поджав ноги, на пушистом пледе у Киры на диване, и улыбалась так легко, будто весь мир наконец перестал давить. На экране ноутбука мелькали огни сцены, и «Раммпроджект» снова делали невозможное: превращали обычный вечер в маленький праздник. Рома выводил строчку хриплым, уверенным голосом, Саша ловил ритм, Миша держал бас, а Дима задавал пульс — и этот пульс совпадал с тем, как быстро билось сердце Оксаны.

— Смотри, смотри! — Кира ткнула пальцем в экран, едва не задев тачпад. — Это же тот самый момент, когда Рома смотрит прямо в камеру, будто он поёт только для тебя.

Оксана рассмеялась, и этот смех был почти беззвучным, но очень настоящим.

— Только для меня, ага. И завтра я проснусь, и окажется, что у меня вся кухня завалена мерчем, а я не помню, как заказывала.

Кира хихикнула, потянулась за кружкой с остывшим какао и сделала глоток.

— Зато у тебя будет история. «Я купила всё, потому что Рома посмотрел мне в глаза». Это романтично.

Они снова засмеялись, и в этой комнате смех звучал как

защита. Как броня. Потому что за пределами этого вечера были вещи, о которых не хотелось говорить: например, что Оксане становилось тяжело, когда пространство сужалось, когда свет становился слишком резким, когда звуки накладывались друг на друга и начинали давить. Она научилась прятать это: делать вид, что всё нормально, улыбаться чуть шире, говорить чуть громче. Панические атаки приходили без спроса, и Оксана ненавидела их именно за это — за внезапность, за то, что они отбирали у неё контроль. Но сегодня, рядом с Кирой, под знакомый ритм любимой группы, ей казалось, что она может дышать.

Кира, напротив, чувствовала себя виноватой, хотя и не могла толком объяснить почему. Это чувство сидело где-то под рёбрами, тихое и упрямое. Она сама нашла это видео — не обычное концертное, а какое-то странное, с пометкой «редкое». В нём было что-то не то: кадры будто перескакивали, звук шёл с лёгкой задержкой, а в некоторых местах картинка будто «плыла», как если бы реальность на секунду теряла фокус. Кира не сказала об этом Оксане. Решила, что это просто глюк видеохостинга, артефакты сжатия. Но теперь, оглядываясь на свои действия, она спрашивала себя: а вдруг это было предупреждение? Вдруг стоило закрыть вкладку и налить сестре ещё какао, вместо того чтобы нажимать «воспроизвести»?

— Хочешь ещё какао? — спросила Кира, будто пытаясь заглушить эту мысль. — Я могу подогреть.

Оксана покачала головой, не отрывая взгляда от экрана.

— Не надо. Пусть будет как есть. Тёплое, но не горячее. Как будто... как будто всё идёт своим чередом.

И в этот момент мир действительно шёл своим чередом: ноутбук тихо гудел, плед приятно колотил кожу, а Рома на экране допевал припев, и его голос был таким знакомым, таким надёжным.

А потом свет погас.

Не постепенно, не с тихим угасанием, а резко — будто кто-то дёрнул рубильник. Ноутбук щёлкнул, экран вспыхнул ослепительной белой полосой, и тут же почернел. В комнате стало темно, но эта темнота была не обычной, домашней. Она была плотной, почти осязаемой, как будто пыталась что-то скрыть.

И следом пришёл звук. Не треск, не щелчок, а что-то другое — низкий, протяжный гул, который будто шёл не из ноутбука, а из самой ткани воздуха. Он был искажённым, как если бы его пропустили через толстое стекло, и звучал одновременно близко и очень далеко.

— Кира... — голос Оксаны дрогнул, и в нём впервые проскользнуло то, чего она так старательно избегала — паника. — Что это?

Но Кира не успела ответить. Пол под ними исчез. Диван, плед, кружка — всё растворилось в темноте, и их потянуло вниз, в тоннель без конца и края. Оксана закричала, и её собственный крик долетел до неё с задержкой, будто кто-то

специально замедлял звук, чтобы она успела его услышать и испугаться ещё сильнее.

Они падали.

Падали долго, бесконечно, и тьма вокруг них была не просто отсутствием света — она была активной, живой, будто тянула их за собой, проверяя, насколько крепко они держатся за реальность.

А потом внизу появилась вода. Бурлящая, тёмная, злая. Она не просто ждала — она охотилась.

Удар о воду был резким, обжигаяще холодным. Оксану закрутило, потащило вниз, и вода тут же заполнила уши, превратив все звуки в глухое, искажённое эхо. Она пыталась вынырнуть, пыталась схватиться хоть за что-нибудь, но течение было сильнее, оно тянуло её, будто знало, где у неё самые слабые места.

Сквозь толщу воды до неё донёсся крик Киры — отчаянный, тонкий, как лезвие. Он звучал так, будто шёл из другого мира, и от этого становилось ещё страшнее.

«Держись!» — кричала Кира.

Но Оксана уже не могла держаться. Вода тянула её вниз, снова и снова, и каждый раз, когда она почти выныривала, течение утаскивало её обратно. Лёгкие горели, паника, которую она столько времени прятала, вырвалась наружу и теперь билась внутри, как птица в клетке.

Она успела подумать только одно: «Прости, Кира».

А потом пришла темнота.

* * *

В этот момент где-то в другом месте, на сцене, Рома вдруг запнулся на полуслове. Его голос оборвался, будто кто-то выключил звук. Саша почувствовал, как струны под его пальцами на секунду завибрировали сами по себе, без прикосновения. Миша и Дима тоже замерли, ощутив тот самый гул — низкий, искажённый, будто сама реальность дала трещину.

Никто из них ещё не знал, что они уже связаны с этим новым, чужим миром.

Никто не знал, что спасение Оксаны будет висеть на волоске — и что этот волосок придётся искать в месте, где законы физики больше не работают, а каждый звук лжёт.

Глава 2.

Между вдохом и тишиной

Кира не сразу поняла, что осталась одна.

Сначала она просто висела в темноте, где не было ни верха, ни низа, и пыталась нащупать хоть что-то — руку сестры, край пледа, угол дивана. Но тьма была плотной, как густая смола, и не отдавала ничего. Потом пришёл холод — не тот, что бывает от сквозняка, а будто сама пустота высасывала тепло. И только тогда Кира закричала.

— Оксана! — её голос прозвучал странно: будто не из её горла, а откуда-то сбоку, с задержкой, как если бы кто-то повторил за ней, но чуть тише.

Она снова позвала сестру, уже не крича, а почти шепча, будто боялась, что крик разорвёт и без того хрупкую связь между ними. Но ответом была только эта искажённая тишина, в которой каждый звук жил отдельно от источника.

Кира ударилась ногами о что-то твёрдое и, наконец, почувствовала опору. Это была не земля, не пол и даже не камень — поверхность была неровной, ребристой, будто сложенной из тысяч острых чешуек. Она встала, пошатываясь, и огляделась, хотя смотреть было не на что: тьма не рассеивалась, но в ней начали проступать слабые, дрожащие отсветы, похожие на далёкие молнии за плотным стеклом.

— Оксана, если ты меня слышишь... хоть звук, хоть дыхание... — прошептала Кира, и сама услышала, как её слова расползаются, теряют форму, становятся чужими.

* * *

В этот момент где-то совсем рядом, но будто под водой, раздался всплеск. Резкий, тяжёлый, как будто что-то большое рухнуло в воду и не всплыло. Кира рванулась туда, не разбирая дороги, спотыкаясь о невидимые выступы, царапая ладони.

А в другом месте, у самой кромки бурлящей реки, Саша застыл, будто его ударило током.

Он не видел Оксану. Не знал её имени. Не знал, что она вообще существует. Но в груди у него вдруг стало так тесно, будто кто-то сжал сердце рукой — и в этом сжатии был страх, холод и отчаяние, которых не могло быть у него самого. Он обернулся, будто искал источник этого чувства, и увидел только тёмную воду, которая текла не вниз, а по спирали, затягивая в себя свет и воздух.

— Что с тобой... — прошептал он, сам не понимая, к кому обращается.

И в тот же миг из воды вырвался слабый, захлёбывающийся всплеск. Саша бросился вперёд, не думая, не считая шагов. Вода обожгла холодом, но он не почувствовал этого. Он

нырнул туда, где течение было злее всего, туда, где вода будто хотела спрятать что-то важное.

Оксана не чувствовала, как её вытаскивают. Для неё мир сжался до узкой полосы между вдохом и темнотой. Она слышала голоса — они доносились сквозь толщу воды, искажённые, растянутые, будто говорили не люди, а само пространство.

«Держи... держи... не отпускай...»

«Она дышит? Скажи, что дышит!»

«Тише... тише... я держу...»

Эти слова падали в её сознание, как камни в колодец, и от каждого становилось чуть светлее. Она не могла ответить, не могла открыть глаза, но где-то внутри неё что-то шептало: «Не сейчас. Ещё не сейчас».

Саша вытащил её на берег, положил на неровную, колючую землю и тут же начал делать всё, чему когда-то учили на курсах первой помощи — движения были резкими, но точными, будто страх давал ему ясность.

— Дыши, — шептал он, и голос его звучал твёрдо, хотя руки слегка дрожали. — Просто дыши. Я здесь.

Рядом с ним опустились на колени Рома и Дима. Рома смотрел на Оксану так, будто пытался силой воли заставить её сделать вдох. Дима держал фонарик, но свет в этом мире вёл себя странно: он не рассеивался, а стекал вниз, как густая жидкость, и едва касался лица девушки.

Миша стоял чуть в стороне, прислушиваясь к этому чу-

жому миру, который говорил на непонятном языке. И вдруг он услышал крик.

Не всплеск, не шум воды, а именно крик — острый, отчаянный, полный такой боли, что у него сжалось внутри. Он повернулся на звук, и в дрожащем свете молний увидел фигуру: девушка стояла, вытянув руки вперёд, будто пыталась удержать что-то невидимое, и снова кричала:

— Оксана!

— Я слышу, — тихо сказал Миша, хотя она не могла его слышать. — Я иду.

Он рванулся к ней, перепрыгивая через острые выступы, скользя по влажной поверхности, которая будто не хотела его пускать. Кира заметила его не сразу. Сначала она увидела только тень, потом — очертания человека, потом — его глаза, в которых было не любопытство, а готовность помочь.

— Где она? — выдохнула Кира, хватая его за рукав, будто он был единственной опорой в этом распадающемся мире. — Где моя сестра?

Миша не знал, что ответить. Он не знал, где Оксана. Но он знал, что они не одни, что где-то рядом есть другие, и что вместе у них больше шансов.

— Мы найдём, — сказал он, и в его голосе было столько уверенности, что Кира на секунду перестала дрожать. — Скажи мне, как она выглядит. Что она любит. Что ты помнишь последним.

И Кира начала говорить. Не связно, не по порядку, а об-

рывками: про плед, про какао, про то, как Оксана смеялась, когда Рома смотрел в камеру. Слова путались, срывались с губ, но Миша слушал, кивал, будто каждое слово было картой, по которой можно было найти дорогу в этом чужом мире.

Тем временем у реки Оксана наконец сделала вдох. Он был слабым, рваным, будто она училась дышать заново. Саша замер, прислушиваясь к этому звуку, который был важнее любого концерта, важнее любой аплодисментной бури.

— Тихо, — повторил он, хотя она всё ещё не открывала глаз. — Ты молодец. Просто дыши. Мы тут.

Голоса вокруг неё снова стали ближе, чётче, и сквозь эту странную, искажённую реальность до неё донеслось самое главное: она не одна.

Но тьма ещё не отступила до конца. Где-то в глубине этого чужого мира что-то ждало, прислушивалось, готовилось сделать следующий шаг. И пока они боролись за этот единственный вдох, мир вокруг них продолжал меняться — медленно, почти незаметно, но необратимо.

Глава 3.

Путь по осколкам

Кира не помнила, когда перестала кричать. Просто в какой-то момент голос сорвался, и остался только хрип, а потом и он исчез. Она стояла, вцепившись в рукав Миши, будто он был единственной вещью в этом мире, которая не меняла форму каждую секунду.

— Расскажи ещё, — тихо сказал Миша, не отпуская её взгляда. — Про Оксану. Про то, что было до... до этого.

Кира моргнула, будто выныривая из темноты, и голос вернулся — дрожащий, но настоящий.

— Мы смотрели видео. То самое, редкое. Я сама его нашла. И я... я знала, что с ним что-то не так. Картинка плыла, звук отставал. Но я не сказала. Хотела, чтобы мы просто посмеялись, как раньше. А потом свет погас, и её унесло.

Она сжала кулаки, и ногти впились в ладони — физическая боль была понятнее, чем эта пустота внутри.

— Это не твоя вина, — сказал Миша твёрдо, хотя сам не знал, правда ли это. В этом мире виноватыми могли быть даже случайные взгляды.

Но Кира покачала головой.

— Если бы я закрыла вкладку... если бы просто налила ей какао...

Миша не стал спорить. Вместо этого он осторожно, но уверенно потянул её вперёд.

— Тогда давай сделаем сейчас то, что можем. Расскажи мне всё: как она двигается, как смеётся, как пугается резких звуков. В этом месте всё искажается, но чувства не врут. Если мы будем держаться за неё — за то, какая она, — дорога сама начнёт складываться.

И Кира начала говорить. Про то, как Оксана вздрагивает, если кто-то хлопает дверью. Про то, как она прячет панику за широкой улыбкой. Про то, как однажды призналась, что боится замкнутых пространств, но всё равно пошла с Кирой в старый лифт в заброшенном доме — просто чтобы сестра не шла одна. Слова лились неровно, сбивались, но с каждым из них в груди у Киры становилось чуть легче — будто она собирала Оксану по кусочкам из воздуха.

* * *

А в другом месте, у берега, Саша сидел на корточках рядом с Оксаной и смотрел на её лицо, которое почти не двигалось. Только слабая, неровная линия дыхания выдавала, что жизнь ещё держится.

Рома присел рядом, положил ладонь Саше на плечо.

— Ты как будто знал, где она. Как ты это почувствовал?

Саша не сразу ответил. Он провёл пальцами по мокрым волосам, словно пытаясь стряхнуть воду, которая была не

только снаружи.

— Я не знал. Я... чувствовал. Как будто кто-то кричал у меня внутри, но не голосом, а болью. И эта боль была не моя. Дима, стоявший чуть в стороне, нахмурился.

— То есть ты буквально слышал её страх?

— Не слышал. Почувствовал. И это было так реально, что я не мог остаться на месте.

Саша помолчал, потом тихо добавил:

— У меня была сестра. Младшая. Её звали Аня. Она... она утонула. В детстве. Мы были на реке, она сорвалась, и я не успел. С тех пор я боюсь воды. До дрожи. Но когда я нырнул за Оксаной, страха не было. Было только: «Я не опоздаю снова».

Рома молча кивнул, будто понял что-то важное. Дима опустил взгляд, будто ему стало неловко за свой вопрос.

— Значит, ты её спас не потому, что ты герой, — тихо сказал Рома. — А потому, что ты уже однажды не смог. И этот мир... он будто вытащил из тебя то, что ты прятал.

Саша только крепче сжал кулаки.

— Пусть так. Главное, чтобы она дышала.

* * *

Тем временем Кира и Миша шли по поверхности, которая не хотела быть ровной. Земля под ногами то становилась мягкой, как влажный песок, то вдруг твердела в острые гра-

ни, царапающие подошвы. Свет здесь не горел — он мерцал, как неисправная лампа, и тени двигались не туда, куда должны были. Вдруг Миша остановился, поднял руку, призывая к тишине.

— Слышишь?

Кира замерла. Сначала она ничего не слышала, кроме собственного дыхания, тяжёлого и прерывистого. А потом сквозь искажённый гул мира пробился другой звук — не крик, не всплеск, а что-то среднее между ними. Как будто вода говорила на своём языке, и в этом языке было имя.

— Оксана, — прошептала Кира, и звук отозвался в воздухе, будто его подхватили и понесли дальше.

Миша кивнул.

— Он идёт оттуда. Но будь готова: в этом месте направление лжёт. Звук может вести не к источнику, а от него. Или кружить по кругу.

Они двинулись вперёд, теперь медленнее, шаг за шагом, проверяя каждый сантиметр земли. Кира старалась не думать о том, что может быть впереди. Она думала о мелочах: о том, как Оксана любит клубничное варенье, как морщит нос, когда пьёт слишком горячий чай, как шепчет «не уходи», если Кира собирается выйти из комнаты. Эти воспоминания были как фонари в темноте.

Внезапно земля под ними дрогнула, и перед ними появилась узкая тропа, выложенная не камнями, а чем-то, что напоминало осколки стекла. Но это было не стекло. Это были

фрагменты воспоминаний: крошечные сцены, застывшие в полупрозрачных пластинах. На одной — Оксана смеётся, на другой — она смотрит в окно, на третьей — она сжимает руку Киры так крепко, будто боится потерять.

— Что это? — выдохнула Кира.

— Этот мир берёт то, что важно, и делает из этого дорогу, — сказал Миша. — Если мы хотим идти дальше, нам придётся пройти по ним. И каждый шаг будет будить воспоминания.

Кира посмотрела на тропу, потом на Мишу.

— А если я не хочу вспоминать? Если боюсь, что воспоминания меня сломают?

Миша мягко, но твёрдо положил ладонь ей на плечо.

— Тогда мы будем вспоминать вместе. Я буду рядом.

И они пошли. С каждым шагом пластины вспыхивали, показывая сцены, которые Кира хотела бы забыть, и те, за которые держалась. И с каждым шагом звук становился ближе, чётче, и в нём уже можно было различить не просто всплеск, а голос — слабый, но живой.

Где-то впереди, у берега, Оксана снова сделала вдох. Он был глубже, чем предыдущий, и когда Саша это услышал, у него на секунду потемнело в глазах от облегчения.

— Тихо, — прошептал он, наклоняясь к её уху, хотя она не могла его слышать. — Ты молодец. Ещё немного. Мы найдём дорогу.

И в этот момент, сквозь искажённые законы чужого мира,

сквозь гул и мерцание, до них донёлся другой звук — голос Киры. Тихий, но настойчивый, пробивающийся сквозь пространство, как луч света сквозь толщу воды.

Саша поднял голову и посмотрел туда, откуда шёл звук. И впервые за всё время в этом месте он почувствовал не страх, а надежду.

Глава 4.

Там, где кончается тьма

Тропа из осколков-воспоминаний становилась всё уже, будто мир не хотел отпускать эти чувства просто так. Каждый шаг заставлял пластины вспыхивать: вот Оксана в детстве тянет Киру за рукав, чтобы не идти через тёмный коридор; вот они вдвоём смеются над тем, как бабушка ругается на кота, который опрокинул банку с вареньем; вот Кира прячет от сестры тревожное сообщение, потому что не хочет её пугать.

Кира вздрагивала от каждого кадра, но не останавливалась.

— Ещё немного, — тихо повторял Миша, и в его голосе не было фальшивой бодрости, только спокойная уверенность, которая держала её на ногах. — Мы уже близко. Слышишь?

И Кира слышала. Теперь это был не просто гул чужого мира — в нём прорезался голос Саши. Тихий, ровный, будто он говорил не с Оксаной, а с самой бурей, уговаривая её уняться:

— Дыши. Медленно. Я держу.

Звук шёл не по прямой. Он петлял, искажался, иногда будто откатывался назад, но теперь в нём была опора — и этого хватило, чтобы Кира пошла быстрее, почти побежала,

спотыкаясь о неровные края пластин.

Вдруг тропа оборвалась. Не рассыпалась, не исчезла, а просто кончилась — резко, как обрыв. Перед ними открылся берег: не гладкий и не привычный, а будто собранный из слоёв — тёмная вода текла по спирали, земля была ребристой, а воздух пах озоном и солью, хотя никакой соли тут быть не могло.

На берегу стояли Рома и Дима. А чуть ближе к воде, на коленях, сидел Саша. Рядом с ним лежала Оксана.

Кира рванулась вперёд, но Миша удержал её за локоть — не грубо, а так, чтобы она не упала.

— Стой. Смотри.

Оксана дернулась, выгнула спину, и из её горла вырвался хриплый, страшный звук — она откашливала воду. Капли летели в стороны, смешиваясь с мерцающим светом, который в этом мире стекал вниз, как густая жидкость. Саша держал её, не давая снова уйти под воду, хотя она уже была на суше. Его руки дрожали, но хватка была твёрдой.

— Вот так, — шептал он, наклоняясь к её уху, будто боялся спугнуть этот первый вдох. — Давай ещё. Ещё чуть-чуть. Ты молодец.

Оксана снова закашлялась, и на этот раз из неё вышло больше воды. Она выгнулась, глаза распахнулись — но не видели ничего, только белесую пелену, будто этот мир был слишком чужим даже для взгляда. Она попыталась отползти, оттолкнуться, её пальцы вцепились в ребристую землю,

царапая кожу.

Саша не отпустил.

— Тихо, — сказал он, и голос его был таким спокойным, что даже вода, казалось, притихла. — Ты на берегу. Ты жива. Я тебя держу.

Кира хотела броситься к сестре, закричать её имя, обнять так крепко, чтобы эта тьма больше никогда не смогла её утащить. Но что-то остановило её — может, то, как Саша смотрел на Оксану, будто видел в ней не просто незнакомую девушку, а кого-то, кого он уже однажды не смог спасти.

Миша тихо подтолкнул её вперёд.

— Иди, — сказал он. — Она должна услышать твой голос.

Кира подошла, опустилась на колени рядом с Сашей, не сводя глаз с лица сестры.

— Оксана, — прошептала она, и её голос дрогнул, но не сломался. — Это я. Я здесь. Ты слышишь меня?

Оксана моргнула. Ещё раз. И наконец взгляд её сфокусировался — сначала на Саше, потом на Кире. В её глазах читался не только страх, но и облегчение, такое сильное, что оно почти заглушало боль.

— Кира... — голос Оксаны был хриплым, будто она училась говорить заново. — Где мы?

Саша чуть ослабил хватку, но руку не убрал. Он смотрел на Киру, будто впервые понял, кто она для Оксаны.

— Мы не знаем, — честно ответил он. — Но мы вместе. И пока мы вместе, мы найдём дорогу.

Рома подошёл ближе, присел на корточки и протянул Оксане флягу.

— Не пей много, — предупредил он. — Сначала по глотку. Тут вода... странная. Но пить можно.

Дима стоял чуть в стороне, сканируя взглядом берег, будто пытался найти хоть одну привычную деталь в этом чужом месте.

— Тут нет горизонта, — тихо сказал он. — Или он движется. Я не понимаю, куда смотреть.

Миша наконец выдохнул, будто только сейчас позволил себе заметить, как сильно он устал.

— Значит, будем смотреть друг на друга, — спокойно сказал он. — Пока горизонт не решит, где ему быть.

Оксана сделала крошечный глоток, поморщилась — вода действительно была не такой, как дома: в ней чувствовалась горечь и металлический привкус, будто она впитала в себя этот мир. Но она не выплюнула её. Она закрыла глаза, сглотнула, и когда снова открыла их, в них было уже не столько паники, сколько решимости.

— Я... — она запнулась, собираясь с силами. — Я могу встать.

Саша покачал головой.

— Не сейчас. Сначала ты должна понять, что можешь просто лежать и дышать, и этого уже достаточно.

В его словах было что-то большее, чем забота. В них была тень той самой тайны, которую он не хотел вытаскивать на

свет, но которая всё равно проступала: он знал, каково это — стоять на берегу и смотреть, как вода забирает того, кто тебе дорог. И он не собирался снова стоять и смотреть.

Кира осторожно взяла руку Оксаны, переплетая свои пальцы с её, холодными и мокрыми.

— Прости, — прошептала Кира, и слёзы наконец прорвались, но она не отпустила сестру. — Прости, что я открыла это видео. Что не заметила, что с ним что-то не так.

Оксана слабо сжала её пальцы.

— Ты не виновата, — хрипло сказала она. — Ты просто хотела, чтобы мы посмеялись. Как раньше.

И в этом «как раньше» было столько боли и столько надежды, что все на берегу на секунду замерли, будто боялись спугнуть этот хрупкий момент.

Где-то вдалеке, за пределами берега, мир снова шевельнулся — не звуком, не движением, а ощущением, будто кто-то или что-то посмотрело на них из темноты. Но сейчас это не имело значения. Сейчас имело значение только одно: Оксана дышала, Кира держала её за руку, Саша не отпускал, а Миша, Рома и Дима стояли вокруг, образуя круг, который этот чужой мир пока не мог разорвать.

Глава 5.

Что видно сквозь слезы

Сначала Оксана видела только свет. Но это был не добрый, привычный свет лампы или солнца — он был странным: он не заливал пространство, а стекал по воздуху, как густая, тягучая жидкость, и оседал на камнях тёмными каплями. Она моргнула, и картинка чуть прояснилась.

Она лежала на ребристой земле, похожей на застывшие волны. Рядом сидел Саша — не просто рядом, а так, будто он боялся отвести взгляд, будто если он хоть на секунду посмотрит в сторону, она снова исчезнет. Чуть дальше стояли Кира, Миша, Рома и Дима. Все они были настоящими. Все были здесь. И от этого становилось чуть легче, но не до конца.

Оксана пошевелила пальцами. Потом попробовала подняться. Саша тут же наклонился, подставил ладонь ей под плечо — не грубо, а так, чтобы она почувствовала опору, но могла сама решить, насколько высоко хочет подняться.

— Не торопись, — тихо сказал он. — Сначала просто посмотри. Если смотреть тяжело — закрой глаза. Никто не будет тебя торопить.

Оксана хотела сказать: «Я в порядке», хотела привычно натянуть улыбку, спрятать дрожь в голосе. Но голос не слу-

шался. Вместо этого она прошептала:

— Где мы?

Кира опустилась на колени рядом, но не бросилась обнимать, не стала гладить по волосам — она просто протянула руку и положила её поверх пальцев Оксаны. Тёплая. Знакомая. Настоящая.

— Мы не знаем, — честно сказала Кира. — Но мы вместе.

Оксана снова моргнула. И теперь, когда взгляд стал чуть яснее, она начала замечать детали, от которых хотелось зажмуриться и больше не открывать глаза.

Вода в реке текла не вниз, а по спирали, будто сама земля была скручена в тугую ленту. Над водой висели тонкие нити света — не искры, не огоньки, а что-то вроде застывших звуков. Иногда одна из них дёргалась, и тогда до них доносился звук с задержкой: сначала воздух подрагивал, потом приходил сам звук — будто мир сначала решал, стоит ли вообще отдавать его людям.

Небо... если это вообще было небо, выглядело как тёмное стекло, по которому кто-то провёл мокрым пальцем, оставив длинные, неровные разводы. Горизонта не было. Или он был, но двигался, как живая тень, отступая каждый раз, когда на него пытались посмотреть прямо.

— Это не сон, — хрипло сказала Оксана, скорее себе, чем остальным. — Я чувствую землю. Чувствую холод. И... я помню, как тонула.

Саша кивнул, будто был рад, что она говорит правду, а не пытается сделать вид, что всё нормально.

— Да, — спокойно подтвердил он. — Это не сон. И ты не сошла с ума. Просто мир здесь устроен иначе.

Оксана перевела взгляд на Киру. В её глазах читалась та самая вина, которую она не умела прятать: виноватая складка между бровей, сжатые губы, будто она всё ещё искала нужные слова, чтобы всё исправить.

— Ты не виновата, — прошептала Оксана, и это стоило ей почти столько же сил, сколько стоил первый вдох после воды. — Ты просто хотела, чтобы мы посмеялись. Как раньше.

Кира сжала её пальцы чуть крепче.

— В следующий раз я просто налью какао, — тихо сказала она, и в её голосе было столько надежды на обычное, простое «следующий раз», что Оксана почти поверила, что он действительно будет.

Дима, стоявший чуть в стороне, наклонился и подобрал с земли маленький камень. Он покрутил его в пальцах, нахмурился.

— Он тёплый, — удивлённо сказал он. — Как будто его только что достали из печи. Но тут нет ни печи, ни солнца.

Рома подошёл ближе, посмотрел на Оксану не как на пострадавшую, а как на равную.

— Ты можешь сказать, что ты видишь? — спросил он. — Не «что это», а просто... что ты видишь. Иногда тут важно не понимать, а замечать.

Оксана медленно обвела взглядом берег. И вдруг поняла одну вещь, от которой по спине пробежал не холод, а странное, почти успокаивающее тепло: этот мир не притворялся их миром. Он не пытался казаться нормальным. Он честно показывал, что он чужой. И в этой честности было что-то, за что можно было держаться.

— Вода крутится, — тихо сказала Оксана. — Свет стекает. Тени живут сами по себе. И... звуки опаздывают.

Миша кивнул, будто услышал именно то, что хотел.

— Значит, мы можем по ним ориентироваться, — сказал он. — Если звук приходит с задержкой, значит, источник где-то впереди. Если тени двигаются не туда, куда должны, — значит, тут есть что-то ещё, что мы пока не видим.

Оксана попыталась улыбнуться. Улыбка вышла кривой, дрожащей, но настоящей.

— Звучит как план, — прошептала она. — Даже если я пока не понимаю, какой именно.

Саша чуть наклонился вперёд, поймал её взгляд и удержал его, как будто хотел передать ей часть своей уверенности.

— План простой, — спокойно сказал он. — Сначала ты посидишь. Потом, когда сможешь, встанешь. Потом мы пойдём туда, где звуки не так сильно опаздывают. И будем идти, пока не найдём дорогу домой. Или пока не поймём, что домом теперь может быть что-то другое.

Оксана кивнула. Ей не нужно было понимать всё сразу. Ей нужно было только одно: знать, что рядом есть люди, ко-

торые не уйдут, пока она не будет готова идти сама.

И в этот момент мир снова шевельнулся — не звуком, не движением, а ощущением, будто где-то далеко кто-то прислушался к их словам. Но сейчас это не пугало. Сейчас это было просто ещё одной деталью чужого места, которую можно было заметить, запомнить и использовать, чтобы сделать следующий шаг.

Глава 6.

Первый шаг и первая стена

Оксана лежала, прислушиваясь к собственному телу, будто оно было чужим механизмом, который нужно заново научиться понимать. В груди всё ещё жгло от воды, каждый вдох отдавался тяжестью, а мышцы ныли так, будто она не тонула — а тащила на себе целую реку.

— Я могу встать, — сказала она скорее себе, чем остальным. Голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала.

Саша тут же напрягся, будто готов был поймать её ещё до того, как она упадёт.

— Давай не будем спешить. Ещё пять минут.

Но Оксана уже упрямо оперлась на локти, потом подтянула колени, упираясь пальцами в ребристую землю. Кира хотела броситься помогать, но остановилась — только шагнула ближе, чтобы быть на расстоянии вытянутой руки.

Оксана оттолкнулась. Мир качнулся, как палуба в шторм, перед глазами поплыли тёмные пятна, и она поняла: встать без поддержки не выйдет. Ноги просто не держали. Она опустилась обратно, не на колени, а на бедро, чтобы не выглядеть так, будто сдалась окончательно. Щеки вспыхнули от досады, но она не опустила взгляд.

— Ладно, — выдохнула она. — Ещё пять минут. Но потом

я встану. По-настоящему.

Саша чуть улыбнулся — не весело, а с тем особенным уважением, которое появляется, когда видишь, как человек не сдаётся, даже когда сил почти нет.

— Договорились, — спокойно сказал он. — Пять минут. А потом будем вставать по плану.

Кира присела рядом, не касаясь, но так, чтобы Оксана чувствовала её тепло.

— Ты уже сделала больше, чем думаешь, — тихо сказала она. — Ты дышишь. Ты смотришь на этот кошмар и не закрываешь глаза.

Оксана слабо кивнула. И через эти самые пять минут она действительно поднялась — но не одна. Саша встал напротив и протянул обе руки, твёрдые, надёжные. Кира встала сбоку, готовая подхватить, если колени снова подогнутся. Оксана ухватила за Сашины ладони, глубоко вдохнула, и на этот раз, когда она встала, мир не качнулся так сильно. Он всё ещё был чужим, всё ещё искажал звуки и свет, но теперь она стояла.

— Получилось, — прошептала она, скорее удивляясь себе, чем хвастаясь.

Миша, Рома и Дима уже стояли чуть впереди, будто инстинктивно взяли на себя роль разведчиков. Миша смотрел вперёд, прищурившись, будто пытался прочесть этот мир, как карту. Рома держал плечи ровно, готовый к любому дви-

жению. Дима сжимал и разжимал кулаки, будто настраивал себя на ритм, который тут работал.

— Куда идём? — спросил Рома, не повышая голоса. В этом месте любой громкий звук мог стать ошибкой.

Миша кивнул вперёд, туда, где берег обрывался не в воду, а в странную, мерцающую пелену — будто воздух там был плотнее, гуще, и сквозь него невозможно было разглядеть, что ждёт дальше.

— Туда, — сказал Миша. — Потому что звуки оттуда приходят чуть раньше. Значит, там что-то... настоящее.

Они двинулись вперёд — шестеро, сбившись в неровный, но плотный строй. Саша шёл рядом с Оксаной, не вплотную, но так, чтобы она знала: если снова подкосятся ноги, он будет тут. Кира держалась слева, почти касаясь плечом, как будто это касание было якорем.

И чем ближе они подходили к пелене, тем сильнее менялся воздух. Он становился тяжелее, будто пропитывался страхом, и каждый вдох давался чуть труднее. Свет стекал по их плечам, как ледяные капли, и застывал на одежде тёмными разводами.

Когда до пелены оставалось всего несколько шагов, она вдруг перестала быть просто дымкой. Из неё выросла стена. Не из камня, не из металла, а из самого воздуха, уплотнившегося до твёрдости. На её поверхности вспыхивали и гасли слабые отсветы — не случайные, а складывающиеся в образы: тёмный тоннель, бурлящая вода, крик, который никто не

слышит.

Дима протянул руку и коснулся стены. Его пальцы не провалились внутрь, но и не отскочили. Они будто утонули в воздухе, как в густом желе, и когда он отдёрнул руку, на коже остались тонкие, светящиеся линии — как следы от прикосновения холода.

— Это не просто барьер, — тихо сказал Миша, проводя ладонью по поверхности. — Это... фильтр. Он пропускает не тех, кто сильнее, а тех, кто готов что-то отдать.

Рома нахмурился.

— Что значит «отдать»?

Миша помолчал, подбирая слова, которые не звучали бы как приговор.

— Не деньги. Не вещи. А... часть себя. Страх. Вину. То, что тянет назад. Этот мир будто хочет знать, что мы не пытаемся его обмануть.

Оксана посмотрела на стену. Образы на ней снова шевельнулись, и ей показалось, что она видит собственное лицо — но искажённое, с тенью того страха, который она столько лет прятала: страх замкнутых пространств, страх не успеть, страх снова оказаться под водой и не вынырнуть.

Она сжала кулаки. Пальцы дрожали, но не от слабости.

— Я не хочу ничего отдавать, — тихо, но твёрдо сказала она. — Но я не хочу и стоять здесь.

Саша посмотрел на неё.

— Никто не просит тебя отдавать всё. Только признать,

что это есть. Иногда этого достаточно, чтобы сделать шаг.

Оксана глубоко вдохнула. Воздух был горьким, но настоящим. Она посмотрела на Киру, потом на всех остальных — на шестерых людей, которые оказались рядом в самом неправильном месте. И тихо, так, чтобы слышали только они, сказала:

— Да, мне страшно. Да, я боюсь снова оказаться под водой. Но я пойду.

В тот же миг стена дрогнула. Отсветы на ней вспыхнули ярче, сложились в одну короткую линию, и в этом месте появилась узкая арка — не вырезанная, а будто образовавшаяся из пустоты между страхами.

Миша первым шагнул вперёд, проверяя, не ловушка ли это. За ним пошёл Рома. Дима коротко кивнул Оксане:

— Держи ритм. Шаг за шагом. Мы все идём вместе.

Саша придержал Оксану за локоть, но только на секунду — ровно настолько, чтобы убедиться, что она держит равновесие.

— Теперь ты сама, — тихо сказал он. — Но я рядом.

Оксана сделала шаг. Потом ещё один. Кира шла следом, почти дыша ей в затылок, но не мешая, а просто напоминая: ты не одна.

Когда они все прошли сквозь арку, стена за их спинами снова сомкнулась, будто её никогда и не было. Но на земле остались тонкие следы — не от ботинок, а от страхов, которые мир принял как плату за проход.

Дима оглянулся, посмотрел на эти следы, потом на остальных.

— Значит, дальше будет не легче, — спокойно сказал он.
— Но мы уже знаем правила.

Рома чуть улыбнулся, и в этой улыбке было не веселье, а облегчение: они всё ещё были вместе. Шестеро. С разными тайнами, разной болью, но сейчас — с одной дорогой.

А Оксана, стоя по ту сторону первой преграды, посмотрела вперёд, туда, где мир снова искривлял горизонт, и тихо сказала:

— Мы идём.

Глава 7.

Плата страхом

Они прошли сквозь арку, и мир будто выдохнул им в лица чем-то холодным и знакомым — тем, что пряталось внутри каждого. Сначала никто не понял, что происходит. Просто воздух стал тяжелее, а тишина — гуще, будто в ней теперь висели не звуки, а невысказанные слова.

Оксана шла, крепко держась за локоть Саши, не из слабости — просто чтобы чувствовать, что под ногами есть опора, а рядом — человек, который не исчезнет в этой искривлённой реальности. Она старалась не смотреть по сторонам: здесь даже тень могла оказаться взглядом, который тебя узнаёт.

И вдруг её накрыло. Не волной воды, а волной памяти.

Она резко остановилась, будто налетела на невидимую стену. Перед глазами встала не чужая земля и не странная река, а старый лифт в заброшенном доме — тот самый, в который она когда-то шагнула, хотя колени тряслись так, что она едва стояла. Она вспомнила, как в груди становилось тесно, как воздух будто кончался раньше, чем успевал попасть в лёгкие, и как она всё равно сделала шаг, потому что Кира стояла рядом и шептала: «Я тут. Мы вместе».

— Оксана? — голос Саши прозвучал будто издалека,

сквозь толщу воды. — Ты в порядке?

Она моргнула, и картинка исчезла, но ощущение осталось: липкий холод замкнутого пространства всё ещё держал её за плечи.

— Да, — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Просто... на секунду показалось, что я снова там. В лифте.

Саша не стал говорить «это не по-настоящему» или «завбуй». Он просто чуть сильнее сжал её локоть и тихо сказал:

— Значит, этот мир берёт то, что ты прячешь. И делает из этого дорогу. Но ты не обязана идти по ней одна.

Кира, стоявшая чуть позади, вдруг резко втянула воздух, будто её кто-то толкнул. Она прижала ладонь к груди, словно пыталась удержать внутри что-то, что рвалось наружу.

— Кира? — Миша тут же оказался рядом, готовый подхватить, если она пошатнётся.

— Я... — Кира запнулась, глядя перед собой, но видя не странный пейзаж, а тот самый вечер, когда она открыла вкладку с видео. — Я ведь знала, что с ним что-то не так. Картинка плыла, звук отставал. Я могла закрыть. Могла просто налить какао. А я хотела, чтобы мы посмеялись.

Её голос сорвался, и слёзы, которых она сдерживала столько часов, наконец прорвались.

— Это не твоя вина, — твёрдо сказал Миша, но Кира покачала головой.

— Нет. Это плата. Этот мир берёт вину. Он берёт то, за

что мы не можем себя простить.

Рома вдруг замер, будто прислушиваясь не к звукам, а к чему-то внутри себя. Его пальцы сжались в кулаки, а лицо стало таким, будто он увидел что-то, чего не хотел видеть никогда.

— Что? — Дима шагнул к нему, готовый к чему угодно: к крику, к панике, к тому, что Рома просто сорвётся и победит.

Но Рома не побежал. Он медленно, с усилием выдохнул и тихо сказал:

— Мне кажется... я слышу, как этот мир трещит. Не ушами. Внутри. Как будто где-то далеко кто-то рвёт ткань, и каждый разрыв отдаётся у меня в висках. И я знаю... я всегда знал, что реальность не такая прочная, как кажется. Просто раньше я делал вид, что не слышу.

Дима посмотрел на него, потом на остальных, и в его взгляде мелькнуло понимание: они не просто попали в чужой мир — они начали расплачиваться за то, что когда-то спрятали.

У Димы тоже что-то шевельнулось внутри — не воспоминание, а чувство, которое он годами запихивал подальше: страх быть лишним. В группе он всегда старался быть тем, кто держит ритм, кто не подводит, кто всегда на своём месте. Но сейчас, в этом мире, где каждый шаг стоил части себя, он вдруг почувствовал, как эта маска сползает, оставляя его беззащитным.

— Странно, — тихо сказал он, будто говорил не с друзьями, а с самим собой. — Я всегда боялся, что если я хоть раз ошибусь, если ударю не в такт, вы все поймёте, что я просто пытаюсь казаться нужным.

Миша положил ему руку на плечо. Не для того, чтобы утешить, а чтобы показать: ты не один, и этого достаточно.

А потом это случилось и с Сашей. Он не остановился, не вздрогнул, но его взгляд вдруг стал пустым, будто провалился в прошлое. Перед ним снова была та река, только не эта, чужая, а та, из детства. Маленькая Аня бежала по берегу, смеялась, а потом поскользнулась. И он не успел. Он бежал, кричал, но мир будто замедлился, и каждый его шаг был слишком медленным, слишком поздним.

Он резко тряхнул головой, прогоняя видение, но оно не ушло до конца — оно осталось в глазах, в сжатых скулах, в том, как он чуть крепче сжал локоть Оксаны, будто боялся снова кого-то потерять.

— Прости, — тихо сказал он, скорее себе, чем ей. — Я просто... я не могу снова опоздать.

Оксана услышала это. И в этот момент, среди всех этих страхов, которые мир вытаскивал наружу, она вдруг поняла одну вещь: они все платили одним и тем же — своей уязвимостью. И именно эта уязвимость делала их сильнее.

— Мы не опоздаем, — прошептала она, и её голос, хоть и был хриплым, прозвучал твёрдо. — Потому что мы идём вместе.

Мир будто прислушался к этим словам. Искажённые тени на земле на секунду замерли, а потом сложились в неровную тропу, которая вела вперёд — не по прямой, а зигзагами, обходя самые острые воспоминания, но не позволяя их забыть.

— Смотрите, — тихо сказал Миша, указывая вперёд. — Он не хочет, чтобы мы прятались. Он хочет, чтобы мы шли, зная, чего боимся.

Они двинулись дальше, теперь уже не как группа людей, случайно оказавшихся в одном месте, а как те, кто признал свои страхи и взял их с собой, как тяжёлые, но необходимые вещи. Каждый шаг давался чуть легче, потому что они больше не притворялись, что ничего не боятся.

Где-то впереди горизонт снова шевельнулся, будто приглашая их подойти ближе. И они шли — шестеро, с разными страхами, с разной болью, но с одной дорогой, которая теперь была вымощена не камнями, а правдой.

Глава 8.

Страх как компас

Они шли по тропе, которая теперь не просто вилась между искривлённых скал — она будто прислушивалась к ним. Каждый шаг отдавался не только в подошвах, но и в памяти: короткие вспышки чужих и своих страхов мелькали, как неисправные лампы, и тут же гасли, оставляя после себя не панику, а странное, колючее знание.

Оксана шла, не отпуская локоть Саши, но теперь не потому, что боялась упасть. Она вдруг поняла: этот мир не хочет, чтобы ты прятал страх. Он хочет, чтобы ты его использовал.

И её собственный страх замкнутых пространств, который раньше просто сжимал грудь, теперь стал чем-то вроде внутреннего радара. Когда тропа начала сужаться, превращаясь в узкий проход между двумя глыбами, похожими на сомкнутые челюсти, Оксана вдруг остановилась, подняв руку.

— Не туда, — тихо сказала она, сама удивляясь уверенности в голосе. — Там... там воздух уже не движется. Он стоит, как в том лифте. Если пройдем, он нас не выпустит.

Миша, который уже шагнул вперёд, замер, потом медленно кивнул.

— Ты чувствуешь, где воздух «стоит», — повторил он, будто пробуя фразу на вкус. — Значит, этот страх — не про

слабость. Он про то, где нельзя идти.

Они свернули, пошли вдоль скалы, где воздух хоть и был густым, но всё-таки тянулся вперёд, как тонкая нить. И тропа тут же стала шире, будто мир согласился: да, ты поняла.

Тем временем Саша шёл чуть впереди, и с каждым шагом его собственный страх перед водой становился не обузой, а чутьём. Река, которая текла рядом, не по земле, а будто сквозь неё, вдруг показалась ему не просто странной — она стала читаемой. Он замечал, где вода темнеет раньше, чем должна, где её спираль начинает закручиваться слишком резко, где она будто «запинается» о невидимый камень.

— Стой, — вдруг резко сказал он, вытягивая руку, как шлагбаум. — Здесь нельзя. Вода... она собирается. Как перед ударом.

Рома, который уже занёс ногу над тёмным пятном, замер.

— Собирается? — переспросил он, хмурясь.

Саша кивнул, не пытаясь объяснить словами то, что чувствовал кожей:

— Как перед волной. Как будто она копит силу. Если пойдём здесь, она нас собьёт.

Дима, стоявший рядом, вдруг тихо присвистнул:

— То есть твой страх теперь работает как датчик цунами.

Саша криво улыбнулся, но в улыбке не было веселья — только облегчение, что он смог вовремя это почувствовать.

Кира шла чуть позади, держа в руках маленький обломок камня, который подобрала у стены. Она не знала, зачем он

ей, но пальцы сами сжимали его, как якорь. Её вина за то видео, за то, что не закрыла вкладку, теперь не давила камнем, а стала острым краем, о который можно было порезаться.

Когда они подошли к развилке — одна тропа уходила вверх, другая ныряла вниз, в тёмную щель, — Кира вдруг сказала:

— Вниз нельзя. Там будет темно. А когда темно, страх становится громче. Я знаю.

Миша посмотрел на неё с уважением:

— Значит, идём вверх. Потому что ты знаешь, как звучит темнота.

Кира кивнула, и впервые за долгое время в груди у неё не было ощущения, что она подводит всех. Она просто знала то, что знала.

Рома шёл последним, и его способность слышать «трещины» в реальности теперь стала почти невыносимой, но и невероятно полезной. Мир здесь не просто искажался — он ломался в определённых местах, и Рома чувствовал эти разломы раньше, чем они становились видимыми.

— Здесь, — вдруг сказал он, останавливаясь посреди тропы. — Прямо здесь. Под ногами.

Все замерли.

— Что? — спросил Дима.

— Трещина, — тихо ответил Рома. — Она ещё не раскрылась. Но она дышит. Если шагнём вперёд, она нас проглотит.

Он протянул руку и медленно провёл ею над землёй. Воз-

дух там будто дрожал, как над горячей плитой.

— Надо обойти, — сказал он. — Слева. Там трещина тоньше.

Дима посмотрел на него, потом на землю, будто пытался увидеть то, что слышит Рома.

— Знаешь, — тихо сказал он, — раньше я думал, что слышать трещины — это безумие. А теперь понимаю: это просто другой способ видеть.

А у Димы его собственный страх быть лишним тоже начал работать по-новому. Он вдруг стал тем, кто замечал мелочи: как свет стекает не туда, как тень двигается не вслед за человеком, а чуть впереди, будто спешит.

— Смотрите, — тихо сказал он, указывая на тёмную полосу у скалы. — Эта тень... она не наша. Она идёт сама по себе. Значит, там что-то есть. Что-то, что прячется.

Миша кивнул:

— Спасибо, что заметил. Без тебя мы бы прошли мимо.

В глазах Димы мелькнуло что-то похожее на свет — не от страха, а от того, что его заметили.

Так они шли дальше: не вопреки своим страхам, а вместе с ними. Каждый страх теперь был не дырой, в которую можно упасть, а инструментом, который помогал держаться на ногах.

Оксана посмотрела вперёд, туда, где горизонт снова шевельнулся, будто приглашая их подойти ближе. Она глубоко вдохнула, чувствуя, как холодный, странный воздух напол-

няет лёгкие, и тихо сказала:

— Я больше не пытаюсь его не чувствовать. Я беру его с собой.

Саша чуть улыбнулся краем губ:

— Так и надо. Страх — это не враг. Это тот, кто первым кричит: «Осторожно».

Кира сжала её руку:

— А мы — те, кто отвечает: «Мы слышим. Мы идём».

И они пошли дальше, шестеро, с разными страхами, которые теперь стали их компасами в этом чужом, искривлённом мире.

Глава 9.

Когда страх становится щитом

Тропа сузилась до тонкой ленты, зажатой между двумя глыбами, которые нависали над ними, будто хотели сомкнуться и стереть путников с лица этого странного мира. Воздух здесь не просто застыл — он будто съёжился, стал плотным и тяжёлым, как перед грозой, и каждый вдох давался чуть труднее.

Оксана шла впереди — не потому, что чувствовала себя сильнее, а потому что именно здесь её страх работал лучше любого компаса. Она чувствовала, как пространство сжимается, как стены шепчут: «Здесь тебе не пройти», и это шептание было ей знакомо.

— Стой, — вдруг сказала она, резко вскинув руку. Голос прозвучал твёрже, чем она сама ожидала. — Дальше нельзя.

Миша, шагавший следом, замер, чуть не налетев на неё.

— Почему? — спросил он, всматриваясь в узкий проход, где тьма казалась особенно густой.

Оксана не пыталась подобрать красивые слова. Она просто сказала правду:

— Потому что там воздух уже не двигается. Он лежит, как крышка. Если мы пойдём туда, он нас придавит. Я это чувствую.

Саша остановился рядом, его взгляд скользнул по стенам, по тёмным прожилкам, бегущим по камню, как вены.

— Она права, — тихо сказал он. — Река здесь... она будто затихает. Как перед ударом.

Кира, шедшая чуть позади, вдруг побледнела. Она посмотрела на проход и увидела не просто узкий коридор, а ловушку. В её воображении он уже смыкался, отрезая путь назад.

— Мы не сможем выбраться, — прошептала она, и в её голосе было столько паники, что даже этот чужой мир будто вздрогнул.

И в этот момент случилось то, чего никто не ждал.

Пол под Кирой дрогнул, и узкая полоса земли, на которой она стояла, начала медленно оседать, уходя вниз, как ступенька сломанного эскалатора. Кира взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но гравитация здесь была не такой, как дома — она будто играла с ними, меняя правила на ходу.

— Кира! — крикнула Оксана, и этот крик был не от ужаса, а от яростной, острой необходимости успеть.

Она рванулась вперёд, не думая о том, что ноги всё ещё слабые, что каждый шаг даётся с усилием, что этот мир будто специально подставляет ей подножки. Страх замкнутого пространства, который всегда сжимал её грудь, теперь вспыхнул внутри не как паника, а как сигнал тревоги: «Опасность. Сейчас. Здесь».

Кира подскользнулась и начала падать в тёмную щель, которая раскрывалась под ней, как голодная пасть.

Оксана прыгнула. Не красиво, не по-геройски, а отчаянно, вложив в этот прыжок всю свою слабость и всю свою решимость. Её пальцы вцепились в край одежды Киры, ткань натянулась, затрещала, но выдержала. Оксана упала на колени, ударившись о ребристую землю, но не разжала хватку.

— Держись! — крикнула она, и её голос прозвучал как приказ, который нельзя слушаться.

Саша оказался рядом в ту же секунду. Он схватил Киру за запястье, потянул вверх, и вместе с Оксаной они вытащили её из щели, которая тут же начала смыкаться, будто разочарованно щёлкнув зубами.

Кира тяжело дышала, прижавшись к земле, словно пыталась убедиться, что она всё ещё твёрдая.

— Ты в порядке? — голос Оксаны дрожал, но она не отпускала сестру. — Скажи, что ты в порядке.

Кира кивнула, не сразу, но уверенно:

— Да. Я здесь.

Саша посмотрел на Оксану с таким уважением, какого она никогда раньше не видела.

— Ты прыгнула туда, где тебе было страшнее всего, — тихо сказал он.

Оксана хотела сказать, что не думала об этом, что просто не могла позволить Кире упасть. Но вместо этого она призналась:

— Я боялась. До темноты в глазах. Но я знала: если я остановлюсь, она упадёт. А я не могу этого допустить.

В этот момент мир снова шевельнулся — но не чтобы напугать, а чтобы признать: она сделала то, что должна была. Узкий проход впереди, который казался ловушкой, вдруг расширился, будто стены отступили, признавая её право пройти.

Рома, стоявший чуть позади, кивнул, будто услышал то, что мир сказал без слов.

— Он реагирует на решимость, — тихо сказал он. — На то, когда ты берёшь свой страх и делаешь шаг, хотя он кричит: «Не надо».

Дима подошёл к Кире, протянул ей руку, помог подняться.

— В следующий раз, — мягко сказал он, — если земля начнёт уходить из-под ног, просто падай вперёд. К нам. Мы поймаем.

Кира слабо улыбнулась, всё ещё дрожа, но уже не от паники, а от того, что осталась жива.

— Договорились, — прошептала она.

Миша посмотрел на Оксану, будто видел её впервые.

— Твой страх не сделал тебя слабее, — сказал он. — Он показал тебе, где опасность. И ты использовала это, чтобы спасти её.

Оксана медленно поднялась, опираясь на Сашу. На этот раз она не стыдилась того, что ей нужна поддержка. Она про-

сто принимала её, как принимают щит.

— Мой страх — это мой радар, — тихо сказала она. — И я больше не буду его прятать.

Саша чуть улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что даже странный, холодный воздух этого мира стал чуть мягче.

— Тогда идём дальше, — спокойно сказал он. — И пусть этот мир знает: мы не просто боимся. Мы знаем, чего боимся — и всё равно идём вперёд.

Они двинулись дальше, теперь уже не как группа людей, случайно оказавшихся вместе, а как команда, где каждый страх стал частью защиты. Оксана шла рядом с Кирой, держа её за руку — не потому что боялась, что та снова упадёт, а потому что хотела, чтобы Кира чувствовала: она не одна.

А мир, который раньше казался врагом, теперь будто прислушивался к ним. Он всё ещё был опасным, всё ещё искажал реальность, но теперь в нём появилась закономерность: он наказывал за слепоту и вознаграждал за честность.

Где-то впереди горизонт снова шевельнулся, будто приглашая их подойти ближе. И они шли — шестеро, с разными страхами, которые теперь стали их бронёй.

Глава 10.

То, что питается страхом

Они шли плотной группой, плечом к плечу, будто сами по себе были щитом друг для друга. Тропа петляла между глыб, похожих на застывшие волны, и воздух становился всё гуще, будто пропитывался чьим-то тяжёлым дыханием. Свет стекал по их спинам холодными струями и застывал на одежде тёмными каплями, как воск.

И вдруг мир изменился не резко, не ударом — а тихо, как опускается туман. Тени, которые до этого просто двигались не в такт, теперь начали собираться в плотную, вязкую массу у края тропы. Они не были похожи на привычные тени людей — они были темнее, плотнее, будто состояли не из отсутствия света, а из самой пустоты.

— Стойте, — вдруг выдохнул Рома, и в его голосе не было паники, была только ледяная ясность. — Я слышу... как оно глотает.

Все замерли. Даже ветер, если он тут был, притих.

— Что глотает? — прошептал Дима, сжимая кулаки так, что побелели костяшки.

— Страх, — сказал Рома. — Оно питается тем, чего мы боимся. И сейчас оно... пробуждается.

Оксана почувствовала это раньше, чем поняла. Сначала

это было просто ощущение, будто кто-то тянет из неё силы тонкой, холодной нитью. Потом эта нить стала канатом. Ноги вдруг стали чужими, тяжёлыми, будто налились свинцом. В груди стало пусто, как будто оттуда выкачали не только воздух, но и саму способность дышать.

Она попыталась сделать шаг — и не смогла. Колени подломились, и она начала падать, не резко, а медленно, как падает лист, у которого кончились силы держаться. Тихий, почти беззвучный вздох сорвался с её губ.

Кира рванулась вперёд, не думая, и успела подставить плечо. Саша оказался рядом в ту же секунду, подхватил Оксану под спину, не дал ей удариться о ребристую землю.

— Оксана! — голос Киры дрожал, но она не плакала. Она была здесь, она держала. — Не уходи. Слышишь? Не уходи!

Оксана открыла глаза. Они были мутными, будто затянутыми дымкой, но в них всё ещё теплился свет.

— Я... — прошептала она. — Я не могу. Оно тянет.

Саша прижал её к себе, не как раненую, а как самое хрупкое и самое важное, что есть в этом мире.

— Держись за меня, — тихо, но твёрдо сказал он. — Не за воздух. Не за тропу. За меня.

Миша шагнул вперёд, закрывая их собой, будто пытался заслонить от самой тьмы.

— Это не просто тень, — сказал он, всматриваясь в сгусток у края тропы. — Это... голод. Он чувствует, когда мы боимся, и становится сильнее.

Дима вдруг понял, что его собственный страх — быть лишним, быть тем, кто не успевает, кто не спасает, — сейчас делает его слабым. Но он не мог позволить себе быть слабым. Не сейчас.

— Тогда не давайте ему есть, — резко сказал он. — Не кормите его своей виной. Не кормите его своим стыдом. Смотрите на меня. Я здесь. Мы здесь.

Он шагнул к Кире и положил руку ей на плечо. Не сильно, но ощутимо. Чтобы она почувствовала: он рядом.

Рома закрыл глаза, прислушиваясь к тому, что творилось внутри мира.

— Оно растёт, — тихо сказал он. — Оно чувствует, что Оксана слабеет. Оно питается её страхом замкнутого пространства, её чувством вины, её слабостью после воды. Оно делает из этого силу.

Оксана снова попыталась вдохнуть, и на этот раз воздух будто сопротивлялся, не хотел входить в лёгкие.

— Не могу, — прошептала она, и в этих двух словах было столько боли, что даже тьма, казалось, замерла, чтобы послушать.

Но Кира не дала ей сдаться.

— Можешь, — сказала она, наклоняясь так близко, что их лбы почти соприкоснулись. — Ты вытащила меня из щели. Ты стояла там, где тебе было страшнее всего. Ты можешь сейчас. Просто не отпускай меня.

Саша чуть приподнял Оксану, удерживая её вес, как будто

это был не человек, а надежда, которую нельзя уронить.

— Слушай голос Киры, — тихо сказал он. — Слушай мой. Не слушай тишину. В тишине оно прячется.

Тени у края тропы начали шевелиться, собираться в нечто большее, чем просто сгустки темноты. Они тянулись к Оксане, как щупальца, и каждый раз, когда она вздрагивала, они становились плотнее.

— Оно реагирует на страх, — выдохнул Миша. — Значит, надо перестать его бояться.

— Легко сказать, — хрипло прошептала Оксана, но в её голосе уже пробивалась злость — не на мир, не на тьму, а на саму себя за то, что поддаётся.

— Не «перестать бояться», — поправил Миша. — А не отдавать ему страх. Не позволять ему забирать его. Страх — это твоя энергия. Не отдавай её этому... этому голоду.

Оксана сжала пальцы Киры так сильно, что ногти впились в кожу. Она не пыталась быть сильной. Она просто цеплялась за реальность.

— Я не отдам, — прошептала она, и это прозвучало как клятва. — Я не отдам.

И в тот момент, когда она произнесла эти слова, тени дёрнулись, будто от удара. Они не исчезли, но перестали тянуться вперёд. Они зависли, как пойманные на крюк, и начали медленно рассеиваться, растворяясь в воздухе, который вдруг стал чуть светлее.

Рома открыл глаза.

— Работает, — тихо сказал он. — Когда ты не кормишь его, оно слабеет.

Саша осторожно опустил Оксану на землю, но не отпустил. Он сел рядом, придерживая её, пока она пыталась снова научиться держать спину прямо.

— Ещё немного, — тихо сказал он. — Просто посиди. Ты уже победила один раз.

Кира не отпускала её руку.

— Ты победила, — повторила она. — Потому что не сдавалась.

Оксана закрыла глаза, потом снова открыла. В них всё ещё была усталость, но уже не было той пустоты, которая приходит, когда силы уходят.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что не дали ему меня забрать.

Дима посмотрел на остальных, потом на тропу, которая теперь казалась не такой враждебной.

— Значит, правило такое, — спокойно сказал он. — Мы не кормим тьму. Мы держим друг друга. И идём дальше.

Миша кивнул.

— Идём, — сказал он. — Но теперь — медленно. И не в одиночку.

Они поднялись, не все сразу, но друг за другом, как будто каждый шаг требовал подтверждения: «Я здесь. Ты здесь. Мы идём». Оксана встала, опираясь на Сашу и Киру, и на этот раз её ноги держали. Не твёрдо, не уверенно, но держа-

ли.

Мир вокруг них не стал добрым. Он всё ещё был чужим, всё ещё искажал звуки и свет, всё ещё прятал в тенях свои ловушки. Но теперь они знали: самое опасное в нём — не камни, не пропасти и не странные реки. Самое опасное — то, что питается их страхами. И самое сильное оружие против него — то, что они не одни.

— Вперёд, — тихо сказала Оксана, и её голос, хоть и был хриплым, звучал твёрдо. — Я готова.

И они пошли — шестеро, плечом к плечу, не позволяя темноте забрать ни одну крупину их страха, потому что знали: страх — это их личное. И они сами решат, что с ним делать.

Глава 11.

Вода как ключ

Тропа вывела их к странному водоёму — не озеру и не пруду, а будто застывшей волне, поднятой и схваченной в момент наивысшего взлёта. Вода не плескалась, не текла, она стояла, как стекло, но при этом была живой: по её поверхности бежали тонкие, едва заметные трещины, и в каждой из них мелькало чьё-то воспоминание — чей-то крик, чей-то вдох, чья-то потерянная секунда.

Перед самой гладью из земли вырастали тонкие, полупрозрачные нити, похожие на застывшие струи тумана. Они сплетались в плотную завесу, перекрывая путь. Если попытаться пройти сквозь неё, нити вспыхивали, и воздух вокруг становился густым, как сироп, замедляя каждое движение.

— Это не просто преграда, — тихо сказал Рома, прикрывая глаза, чтобы лучше слышать. — Она реагирует на намерение. Если ты хочешь обойти — она становится стеной. Если ты хочешь прорваться силой — она становится железом.

Миша провёл ладонью по воздуху перед завесой.

— Она ждёт чего-то. Чего-то настоящего. Не храбрости напоказ, а... признания.

Оксана, всё ещё опирающаяся на Киру и Сашу, тихо выдохнула:

— И что она хочет от нас?

Саша вдруг замер. Он не смотрел на завесу — он смотрел на воду. И в его взгляде было то самое выражение, которое появляется, когда человек встречается лицом к лицу со своим главным страхом.

— Она хочет воды, — тихо произнёс он. — Или точнее... она хочет того, что вода делает со мной. Моего страха.

Кира нахмурилась:

— Ты хочешь сказать, что мы должны... скормить ей твой страх?

— Не скормить, — покачал головой Саша. — А использовать. Этот мир берёт то, чего мы боимся, и делает из этого силу. Значит, если мы дадим ему мой страх осознанно, может быть, он станет ключом.

Дима шагнул ближе, будто хотел встать между Сашей и этой странной водой, хотя защищать тут было не от чего — кроме собственных воспоминаний.

— Ты уверен? — спросил он. — Потому что в прошлый раз, когда ты стоял у края, тебе хватило одного взгляда, чтобы...

— Я помню, — спокойно перебил Саша. — Помню, как меня тянуло вниз. Как казалось, что вода знает, где у меня самое слабое место. Но сейчас я не буду прятаться от этого. Я посмотрю прямо.

Он сделал шаг вперёд, оставив Оксану в кольце поддержки Киры и Миши. Подошёл к самой кромке, где земля об-

рывалась в неподвижную, жуткую гладь. Наклонился и медленно опустил ладонь в воду.

Вода не вздрогнула, не расступилась. Она просто приняла его руку, как будто ждала именно этого прикосновения. И в тот же миг по её поверхности побежали не круги, а линии — чёткие, прямые, будто кто-то провёл по стеклу лезвием. Они складывались в узор, который тут же начал меняться, перестраиваться, как карта, которую кто-то торопливо чертил и стирал.

Саша закрыл глаза и позволил себе вспомнить то, что столько лет старался не вспоминать: маленькую Аню, бегущую по берегу, её смех, который оборвался слишком рано. Он не пытался заглушить эту боль, не пытался сделать вид, что её нет. Он просто держал её в себе и одновременно отдавал воде — не как жертву, а как правду.

— Прости, — прошептал он, не зная, кому именно адресованы эти слова — Ане, себе, или этому чужому миру. — Я не успел тогда. Но я не позволю страху снова забрать у меня голос.

И в этот момент завеса из нитей дрогнула. Трещины на воде вспыхнули ярче, и узор на её поверхности сложился в одну чёткую линию, которая вела прямо сквозь преграду. Нити начали таять, как лёд под горячим дыханием, открывая узкий проход.

Рома первым услышал это: не звук, а ощущение, будто где-то далеко щёлкнул замок.

— Получилось, — выдохнул он. — Ты не отдал страх. Ты его использовал.

Саша медленно вытащил руку из воды. Капли стекали с пальцев, но не падали на землю — они зависали в воздухе, как крошечные жемчужины, и растворялись, не коснувшись камня. Он обернулся к остальным. Его лицо было спокойным, но в глазах всё ещё стояла та самая тень прошлого.

— Идём, — сказал он, протягивая руку Оксане. — Теперь я знаю: мой страх — это не слабость. Это мой компас. И я больше не позволю ему тянуть меня на дно.

Оксана оперлась на его ладонь, чувствуя, как твёрдые, тёплые пальцы смыкаются вокруг её руки. Она сделала шаг вперёд, следом за Сашей, сквозь исчезающие нити. Кира шла рядом, плечом к плечу, так, чтобы в любой момент успеть подхватить. Миша, Дима и Рома замыкали строй, и каждый из них теперь понимал: они не побеждают этот мир силой. Они побеждают его тем, что не прячут свои раны.

Когда они все прошли сквозь проход, завеса окончательно растаяла, а вода снова застыла, как стекло. Но узор на её поверхности остался — тонкая линия, похожая на след от пальца, который кто-то осторожно провёл по льду.

— Мы оставили там часть себя, — тихо сказала Кира, оглядываясь на водоём. — Но не ту, что делает нас слабыми. А ту, что помогает идти дальше.

Оксана посмотрела на Сашу. В его взгляде не было ни гордости, ни торжества — только тихая решимость.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что ты не побоялся снова посмотреть в воду.

Саша чуть улыбнулся:

— Теперь мы знаем: иногда, чтобы пройти вперёд, нужно сначала честно посмотреть назад.

Они двинулись дальше, шестеро, с сердцами, полными боли, но с шагами, ставшими твёрже. Мир вокруг всё ещё был чужим, всё ещё проверял их на прочность, но теперь они знали его правило: он не прощает лжи, но вознаграждает правду.

Где-то впереди горизонт снова шевельнулся, будто приглашая их подойти ближе. И они шли — не отрицая своих страхов, а используя их как оружие, как щит, как дорогу.

Глава 12.

То, что видно только тому, кто боится быть лишним

Тропа за водоёмом стала шире, будто мир после того, как принял плату Саши, на время перестал сжимать их в тиски. Но эта широта была обманчивой. Здесь тишина звучала иначе — не как покой, а как пауза перед вдохом. Воздух будто прислушивался к каждому их шагу, и от этого даже обычное дыхание казалось слишком громким.

Оксана шла теперь чуть увереннее: слабость не исчезла, но она научилась её чувствовать, не пугаться её, а просто делать шаг, зная, что рядом есть руки, которые не дадут упасть. Кира держалась вплотную, не как надзиратель, а как якорь. Саша шёл рядом, готовый в любую секунду подставить плечо. Миша вёл группу, выбирая путь не по интуиции, а по тем самым «правилам» этого места: не торопиться, не спорить, не делать резких движений.

Рома замыкал строй, прислушиваясь к невидимым трещинам. Он морщился, когда мир «щёлкал» где-то сбоку, и тихо кивал, когда всё становилось чуть тише.

А Дима... Дима шёл между всеми, стараясь не мешать, не загораживать вид, не быть тем, кто случайно толкнёт или скажет не то. И именно эта его привычка — всё время про-

верять, не мешает ли он, — сейчас и спасла их всех.

Он шёл, опутив взгляд, чтобы не смотреть никому прямо в глаза (так ему казалось, что он меньше отвлекает), и потому первым заметил, как песок под ногами ведёт себя неправильно.

Песок здесь был не обычным: он переливался тусклым серебром и медленно перетекал, будто был жидким, но очень густым. И в этом перетекании был ритм — почти незаметный, как биение сердца у спящего человека.

Но в одном месте ритм сбивался. Там песок не стекал, а будто застывал на долю секунды, как будто что-то под ним мешало ему двигаться. Дима остановился, присел на корточки и провёл пальцами по поверхности. Песок тут же попытался обтечь его руку, но в этом месте он будто цеплялся за что-то твёрдое.

— Стойте, — тихо, но так, чтобы услышали все, сказал Дима. — Тут... тут что-то не так.

Миша обернулся, нахмурился.

— Что именно?

Дима не стал объяснять про ритм — он знал, что это прозвучит странно. Вместо этого он просто ткнул пальцем в место, где песок застывал.

— Здесь он не течёт. Как будто под ним что-то есть. И это «что-то» не хочет, чтобы мы шли дальше.

Саша подошёл, присел рядом.

— Ты видишь ловушку там, где другие видят просто пе-

сок, — тихо сказал он. — Потому что ты всегда смотришь, где можно не наступить.

Дима чуть покраснел, но не отвёл взгляд.

— Да, — твёрдо сказал он. — Я всегда смотрю, где не наступить. И сейчас я вижу, что тут нельзя ставить ногу.

Кира присела с другой стороны, осторожно потрогала песок.

— Он холодный, — прошептала она. — Не как остальной. Как будто там... пустота.

Рома прикрыл глаза, прислушался.

— Я слышу, — тихо сказал он. — Это не просто яма. Это... пауза. Как будто мир здесь берёт вдох, чтобы потом резко выдохнуть. Если мы встанем туда, он нас сбросит.

Миша кивнул, не споря, не сомневаясь.

— Значит, обходим. И спасибо, Дима. Ты увидел то, что остальные могли просто не заметить.

Дима на секунду замер, будто эти слова были тяжелее любого камня, но при этом держали его крепче любой опоры.

— Пожалуйста, — тихо ответил он, и в этом «пожалуйста» было столько облегчения, что даже странный воздух этого мира будто стал чуть прозрачнее.

Они начали обходить подозрительное место, ступая по узкой кромке, где песок всё-таки тёк, пусть и неохотно. Оксана шла медленно, каждый шаг давался ей как маленькая победа. И вдруг она остановилась, подняла голову и посмотрела на Диму.

— Знаешь, — тихо сказала она, — если бы ты не посмотрел вниз... если бы ты просто шёл и думал, что твоё место где-то сзади, мы бы все туда наступили. И тогда...

Она не договорила. Ей не нужно было договаривать.

Дима посмотрел на неё, и впервые за долгое время ему не захотелось спрятаться, стать незаметным.

— Тогда я рад, что я смотрел, — спокойно сказал он.

И в этот момент песок в центре ловушки вдруг резко вспучился, как будто под ним что-то дёрнулось, и из него вырвался короткий, резкий звук — не крик, не рёв, а что-то среднее между ними, будто мир обиделся, что его хитрость не сработала.

Все замерли, глядя, как песок осыпается обратно, открывая на секунду тёмную, зияющую пустоту, которая тут же снова затянулась.

— Вот, — выдохнул Рома. — Теперь мы точно знаем: он хотел нас сбросить. И не просто сбросить — а раскидать. Чтобы мы потеряли друг друга.

Миша посмотрел на Диму с уважением, без пафоса, просто как на равного.

— Твой страх, — тихо сказал он, — сделал тебя тем, кто видит ловушки. И это не слабость. Это твой щит.

Дима кивнул. И на этот раз он не опустил взгляд.

— Пусть будет щитом, — сказал он. — Пусть я буду тем, кто смотрит под ноги. Чтобы остальные могли смотреть вперёд.

Они двинулись дальше, теперь уже не просто группой людей, а командой, где у каждого была своя роль, выкованная из того, чего он боялся. Оксана опиралась на Киру и Сашу, но теперь она шла не только на их силе — она шла на своей собственной решимости. Миша выбирал путь, Рома слушал мир, Дима смотрел под ноги, а Кира держала Оксану так, будто боялась, что если она хоть на секунду разожмёт пальцы, сестра снова исчезнет.

Где-то впереди горизонт снова шевельнулся, но на этот раз он не казался враждебным. Он будто говорил: «Я вижу, что вы учитесь. Я вижу, что вы держитесь».

И они шли вперёд, шестеро, каждый со своим страхом, который теперь стал не проклятием, а инструментом. И чем дальше они уходили от ловушки, тем тише становился мир — не потому, что становился добрее, а потому, что теперь он знал: эти шестеро не собираются сдаваться.

Глава 13.

След на воде и тяжесть усталости

Усталость накатывала на Оксану не волной — она подступала тихо, по миллиметру, как этот странный песок, который медленно обтекал камни. Сначала ей просто стало холодно, будто холод пробрался не под одежду, а прямо под кожу. Потом захотелось есть — не абстрактно, а так остро, что даже воздух казался пустым и бесполезным. А потом её накрыло самое простое и самое беспощадное желание: лечь и закрыть глаза. Хоть на пять минут. Хоть на секунду.

— Мне холодно, — тихо сказала она, и голос прозвучал непривычно тонким, почти детским. — И я так устала... будто я не шла, а тащила на себе эту воду всё это время.

Кира тут же сняла с себя тонкую куртку, которая здесь почти не грела, но всё равно была чем-то настоящим, и накинула на плечи сестры.

— Держи. Я в порядке. Просто посиди минутку.

Но сидеть Оксана не могла. Если она остановится, то, она знала точно, уже не встанет. Поэтому она просто шла, упрямо переставляя ноги, пока мир не начал слегка покачиваться, как палуба в лёгком шторме. Саша шёл рядом, готовый подхватить её в любой момент. Он не говорил «держись» или «ты сможешь» — он просто шагал в том же ритме, будто его

шаг был опорой, которую не видно, но можно почувствовать.

— Ещё немного, — тихо сказал он. — Мы найдём место, где можно остановиться.

Оксана кивнула, но голова качнулась чуть сильнее, чем нужно, и она едва не потеряла равновесие. Только крепкая рука Саши удержала её.

— Прости, — выдохнула она. — Я не хотела...

— Ничего, — спокойно ответил он. — Ты делаешь всё, что можешь. Этого достаточно.

Они вышли к небольшому углублению в земле, похожему на чашу, на дне которой стояла вода. Не такая, как у застывшей волны раньше: эта была подвижной, живой, по ней бежали мелкие круги, будто кто-то невидимый бросал в неё крошечные камушки.

И на этой воде был узор. Тот самый, который остался после прикосновения Саши. Тонкая линия, похожая на след от пальца, не исчезла — она изменилась. Она больше не лежала неподвижно: она двигалась, медленно изгибаясь, как змея, ползущая по стеклу, и указывала в одну сторону — туда, где скалы расступались, образуя проход, который раньше казался просто тенью.

Миша первым заметил перемену.

— Смотрите, — тихо сказал он, наклоняясь над водой. — Он движется.

Рома прикрыл глаза, прислушался к тому, как мир отзывается на этот узор.

— Он реагирует, — прошептал он. — Как компас. Как будто вода помнит прикосновение Саши и теперь показывает путь.

Дима, который теперь не сводил глаз с земли, тихо добавил:

— И он ведёт туда, где песок течёт ровно. Без пауз. Без ловушек.

Узор на воде снова изогнулся, будто подтверждая его слова, и замер, указывая на узкий проход между скал.

— Это знак, — сказал Миша. — Мы идём туда.

Оксана попыталась сосредоточиться на узоре, но картинка перед глазами начала расплываться. Края мира потемнели, как будто кто-то медленно опускал занавес. Она хотела сказать, что готова идти дальше, что не хочет быть обузой, но слова не шли. Вместо этого она просто тихо выдохнула:

— Я так хочу спать...

И в этот момент она действительно начала засыпать на ходу. Её шаги стали медленнее, неувереннее, колени подогнулись, и если бы не Саша и Кира, она бы упала.

— Тихо, тихо, — голос Саши был рядом, тёплый и спокойный, как свет маленькой лампы в тёмной комнате. — Мы почти на месте. Видишь проход? Там будет тише. Там можно будет просто посидеть.

— Не хочу быть слабой, — прошептала Оксана, и в этих словах было столько боли, что Кира прижала её к себе чуть крепче.

— Ты не слабая, — твёрдо сказала она. — Ты просто человек. И ты уже столько прошла. Позволь себе просто... не нести всё это прямо сейчас.

Они подвели Оксану к проходу. Здесь ветер был тише, скалы смыкались над ними, будто строили крышу, и даже свет стекал здесь медленнее, не обжигая, а мягко ложась на плечи.

Оксана опустилась на землю, не грациозно, а просто потому, что ноги больше не держали. Она прислонилась к тёплой, шершавой скале, закрыла глаза и прошептала:

— Пять минут. Только пять минут.

И уснула. Не провалилась в темноту, а просто перестала бороться с тяжестью, которая столько времени тянула её вниз.

Остальные встали вокруг неё, образуя круг, который должен был защитить её хотя бы от ветра. Кира села рядом, положив голову сестры себе на колени. Саша присел напротив, не сводя с неё глаз, готовый в любую секунду снова стать опорой. Миша и Дима осматривали проход, проверяя, нет ли здесь ещё какой-то ловушки. Рома стоял чуть в стороне, прислушиваясь к миру: он хотел быть уверен, что тишина здесь — это покой, а не затишье перед ударом.

— Она спит, — тихо сказала Кира, проводя ладонью по волосам Оксаны, убирая прилипшую прядь. — Наконец-то. Саша кивнул.

— Пусть спит, — прошептал он. — Ей нужно вернуть себе

хоть немного сил.

Миша посмотрел на узор в чаше с водой. Тот снова чуть изогнулся и теперь указывал глубже в проход, туда, где скалы сходились, образуя что-то вроде маленькой пещеры.

— Там, — тихо сказал Миша, показывая направление. — Вода говорит, что там безопасно.

Дима кивнул, оглядывая землю у входа в пещеру.

— Песок там спокойный, — подтвердил он. — Нет этих... пауз. Значит, можно.

Осторожно, чтобы не разбудить Оксану, они перенесли её в пещеру. Уложили на ровный участок пола, прикрыли куртками, чтобы хоть немного удержать тепло.

Когда все наконец сели, прижавшись друг к другу, чтобы сберечь тепло и просто чувствовать, что они вместе, Рома тихо сказал:

— Знаете, этот мир... он не просто проверяет нас. Он учит нас видеть то, что мы раньше не замечали. Узор на воде помнит прикосновение Саши. Дима видит ловушки, потому что привык смотреть под ноги. А Оксана... она столько держится, что когда наконец позволяет себе упасть, это не слабость. Это значит, что она доверяет нам.

Кира посмотрела на спящую сестру, на её спокойное, наконец-то не напряжённое лицо, и тихо сказала:

— Спасибо, что были рядом.

Саша чуть улыбнулся:

— Мы всегда будем рядом. Пока она не будет готова идти

сама.

А узор на воде в чаше у входа продолжал тихо двигаться, будто охраняя их сон, и всё так же указывал вперёд — туда, куда им предстояло пойти, когда Оксана проснётся.

Глава 14.

Голод и тихий круг

Оксана проснулась не от шума и не от холода — а от боли. Она пришла тихо, изнутри, стягивая живот тугой, злой пружиной. Оксана на секунду зажмурилась, будто надеялась, что, когда откроет глаза, всё будет по-другому: рядом окажется чашка горячего чая, тарелка с чем-то тёплым, родным... Но перед ней были те же скалы, тот же песок, похожий на остывший пепел, и те же лица — близкие, напряжённые, бесконечно родные.

Она приподнялась на локте, и мир тут же качнулся, но не так страшно, как раньше. Теперь рядом были руки, готовые подхватить, и это делало даже слабость чуть легче.

Над ней склонились Кира, Саша, Миша. Рома стоял чуть в стороне, будто не хотел нависать, но всё равно был тут. Дима сидел у входа в пещеру, насторожённо глядя в темноту прохода, будто ждал, что оттуда выскочит новая ловушка.

— Ты проснулась, — выдохнула Кира, и в её голосе было столько облегчения, что Оксана невольно улыбнулась, хоть улыбаться сейчас было почти больно.

— Прости, — тихо сказала Оксана. — Я не хотела... просто выключилась.

Саша присел рядом, не касаясь, но так, чтобы она чув-

ствовала: он рядом.

— Тебе не за что извиняться, — спокойно сказал он. — Ты спала, потому что тело сказала: «Хватит».

Оксана хотела кивнуть, но вместо этого поморщилась от резкой, колючей боли в животе.

— Мне... — она запнулась, будто стыдно было произносить это вслух, — мне так больно от голода. Как будто внутри всё сжалось и не хочет разжиматься. И я хочу есть. Не просто «немного», а так, будто если я не поем прямо сейчас, я перестану чувствовать свои руки.

Кира тут же потянулась к карману, будто надеялась найти там хоть крошку, хоть завёрнутый в бумагу сухарик. Но там ничего не было. Только песок, прилипший к ткани.

— Ничего нет, — прошептала она, и в этом «ничего» было столько горечи, что даже воздух в пещере стал чуть тяжелее. — Только камни. И песок.

Оксана закрыла глаза, пытаясь спрятать стыд. Ей хотелось сказать: «Не смотрите на меня. Я справлюсь», но слова не шли. Вместо этого она просто тихо призналась:

— Я боюсь, — прошептала она. — Боюсь, что без еды и воды я не смогу идти. И тогда я стану обузой. А ещё страшнее... что вы все тоже останетесь без сил. И этот мир... он только этого и ждёт.

Миша сел напротив, опершись локтями о колени. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась та самая собранность, которая появляется, когда понимаешь: впереди не ис-

пытание на храбрость, а простая, жестокая арифметика выживания.

— Мы не останемся без сил, — твёрдо сказал он. — Мы будем беречь то, что у нас есть. И искать то, что можно найти.

Рома тихо шагнул ближе.

— Этот мир, — сказал он, прислушиваясь к тишине, — он не просто берёт. Он иногда даёт. Не щедро. Не по доброте. Но даёт. Надо только уметь увидеть.

Дима, не оборачиваясь, тихо добавил:

— И услышать. Или почувствовать. Как я почувствовал ловушку. Может, тут есть что-то... незаметное.

Саша посмотрел на Оксану. В его взгляде не было жалости — только уважение к её честности.

— Ты сказала правду, — тихо сказал он. — И это уже половина пути. Потому что, пока мы не прячем правду, мы можем что-то с ней сделать.

Он наклонился и осторожно приподнял её, помогая сесть так, чтобы спина опиралась на тёплый камень.

— Посиди вот так, — сказал он. — Пусть тело хоть немного поймёт, что ему не нужно бороться с гравитацией.

Оксана послушалась. И вдруг поняла: сидеть вот так, в кругу этих людей, было не стыдно. Это было... правильно.

— А вы? — тихо спросила она, глядя на каждого по очереди. — Вы ведь тоже ничего не ели. Вы тоже устали.

Кира села рядом и просто положила голову ей на плечо. Не для того, чтобы опереться, а чтобы показать: они делают

не только путь, но и тяжесть.

— Мы держимся, — сказала она. — Потому что держим тебя.

Миша кивнул на проход, туда, где у края чаши с водой всё ещё шевелился узор.

— Вода, — сказал он. — Она не просто показывает путь. Она... отзывается. Как будто помнит. Может, она подскажет не только куда идти, но и где искать. Что-то, что этот мир готов отдать.

Рома прикрыл глаза, прислушиваясь.

— Он не отдаёт просто так, — прошептал он. — Но если ты не просишь как хозяин, а как тот, кто знает свою слабость... тогда он может дать.

Дима встал и подошёл к чаше. Наклонился, всматриваясь в узор, который теперь изгибался не как стрелка, а как тонкая, живая линия, будто пытался что-то нарисовать.

— Смотрите, — тихо позвал он. — Он меняется.

Все подошли ближе, стараясь не дышать слишком громко, будто боялись спугнуть этот странный, подвижный знак.

Узор на воде изогнулся, закрутился в спираль, а потом вдруг вытянулся в прямую линию, которая указывала не вперёд, а чуть вбок — туда, где скалы сходились, образуя узкую щель, почти незаметную в тени.

— Там, — выдохнул Миша. — Он показывает туда.

Саша посмотрел на Оксану.

— Если ты не можешь идти прямо сейчас, мы сходим

вдвоём. Я и Дима. Посмотрим, что там.

Но Оксана покачала головой. Слабо, едва заметно, но твёрдо.

— Нет, — прошептала она. — Я пойду с вами. Не потому что я сильная. А потому что... я не хочу, чтобы вы шли туда без меня. Если там будет что-то плохое, я хочу видеть ваши лица. А если хорошее... я хочу быть тут, когда вы это найдёте.

Кира улыбнулась, и эта улыбка была такой тихой и настоящей, что даже голод на секунду отступил.

— Тогда идём все, — сказала она. — Но медленно. И держась за руки.

Они встали, не резко, не героически, а просто как люди, которые знают: если кто-то пошатнётся, его подхватят. Оксана оперлась на Сашу и Киру, и на этот раз её пальцы сжимали их руки не от страха упасть, а от желания быть частью этого круга.

Когда они подошли к щели, узор на воде замер, будто выдохнул: «Вот. Дальше — сами».

А в щели, среди камней, лежал маленький, странный предмет — не из этого мира. Он был простым, почти обыденным: потемневшая жестяная банка, помятая, но целая. На ней не было этикетки, но металл был настоящим, холодным, узнаваемым.

Дима первым протянул руку и взял её. Повертел, будто проверяя, не исчезнет ли она от прикосновения. Но она не

исчезла.

— Это... — прошептал он, и голос его дрожал не от страха, а от надежды, — это что-то настоящее.

Саша осторожно открыл банку. Внутри было что-то сухое, похожее на прессованные хлопья или тонкие пластинки. Немного. Совсем немного. Но это была еда.

Оксана посмотрела на эту банку, потом на лица друзей — и впервые за долгое время почувствовала, как в груди, сквозь холод и боль, пробивается крошечный, но настоящий свет.

— Спасибо, — тихо прошептала она, не зная, кому именно говорит это: миру, воде, узору... или этим пятерым, которые не дали ей упасть и не позволили ей быть одной.

И они сели прямо на камни, плечом к плечу, и разделили эти сухие пластинки на шесть частей. Крошечные, почти невесомые. Но каждая из них была не просто едой — она была доказательством: они ещё держатся. Они ещё идут.

Глава 15.

Капля за каплей

Они шли, теперь уже не торопясь, потому что торопиться было нечем: ни сил, ни воздуха, ни надежды на лёгкий путь. Каждый шаг отдавался в теле Оксаны не просто усталостью — он отдавался пустотой. Сначала это был просто голод, но теперь к нему прибавилась жажда, тихая, но злая, как царапина, которая не заживает и с каждым движением болит сильнее.

— Хочу пить, — прошептала Оксана, и даже эти два слова дались ей тяжело, будто язык стал слишком сухим, чтобы произносить звуки. — Просто глоток. Хоть один.

Кира держала её под руку, но даже её силы будто истончались, становились прозрачными. Саша шёл с другой стороны, готовый в любой момент принять на себя весь её вес. Но он знал: если она упадёт, поднять её будет уже некому.

Миша шёл впереди, низко наклонив голову, будто пытался разглядеть в песке хоть намёк на влагу. Рома прикрывал глаза и слушал мир, но сегодня мир молчал — или говорил так тихо, что даже его слух не мог разобрать слов. Дима шагнул, как всегда, глядя под ноги, высматривая ловушки, но сейчас ему казалось, что он ищет не опасность, а чудо.

А чудо пряталось в самом неприметном месте.

Тропа вывела их к небольшому углублению между скал — не пещере, не гроту, а просто щели, где камни сомкнулись так плотно, что снаружи её и не заметишь. И там, в самом центре, из трещины в камне медленно, капля за каплей, сочилась вода.

Не поток, не ручей — но живая, настоящая вода. Она падала в крошечную чашу из камня, собираясь в лужицу, прозрачную, как стекло, и такую маленькую, что её хватило бы на один глоток... если бы не эта капля, следующая за ней, и ещё одна.

Дима первым увидел её — не по блеску, не по звуку, а по тому, как песок у самой трещины чуть потемнел, словно пытался удержать влагу, которую мир так неохотно отдавал.

— Вода, — выдохнул он, и в этом слове было столько облегчения, что даже скалы будто чуть отступили. — Там... вода.

Все замерли. Не от радости — от страха поверить. Потому что в этом мире слишком часто то, что казалось спасением, оказывалось ловушкой.

Рома прикрыл глаза, прислушался.

— Я слышу, — тихо сказал он. — Это не обман. Это... дыхание камня. Он отдаёт воду. Медленно. Но честно.

Миша подошёл первым, опустился на колени, осторожно провёл пальцем по камню, проверяя, нет ли подвоха. Потом наклонился и приложил ухо к трещине.

— Она течёт, — прошептал он. — По-настоящему.

Саша помог Оксане опуститься на колени рядом. Она не смотрела на воду — она смотрела на лица друзей, будто проверяла: «Это правда? Или мне кажется?»

Кира наклонилась, зачерпнула ладонью немного воды и поднесла к её губам.

— Сначала чуть-чуть, — тихо сказала она. — Один глоток. Пусть тело вспомнит, что такое вода.

Оксана послушно приоткрыла губы. Первая капля коснулась языка — и это было как возвращение. Не просто влага, а будто сама жизнь, тонкая и прохладная, скользнула внутрь, и где-то глубоко в груди что-то шевельнулось, словно проснулось.

Она закрыла глаза, потом снова открыла — и в них снова был свет, не яркий, но настоящий.

— Ещё, — прошептала она, и это было не жадностью, а благодарностью. — Ещё один глоток.

Так они пили — по очереди, по капле, по глотку. Не спеша, не толкаясь, не вырывая друг у друга. Сначала Оксана, потом Кира, потом Саша, Миша, Дима, Рома. Каждый делал свой маленький глоток, и каждый будто заново учился дышать.

Когда чаша снова наполнилась, Миша тихо сказал:

— Хватит. Мы не должны выпить всё. Пусть камень помнит, что мы были здесь. И пусть он продолжает отдавать.

Они отошли чуть в сторону, сели прямо на тёплый камень, прислонившись друг к другу плечами, спинами, головами —

так, чтобы чувствовать: они не рассыпались. Чтобы каждый знал: рядом есть кто-то живой.

Оксана сидела, прижавшись к Кире, и впервые за долгое время ей не хотелось никуда бежать. Ей просто хотелось сидеть вот так, слушать, как где-то из трещины медленно падает вода — кап... кап... кап, — и знать, что это звук жизни.

— Спасибо, — тихо прошептала она, не обращая ни к кому конкретно. — За то, что не дали мне упасть. За то, что нашли это.

Кира обняла её крепче, не как защитница, а как сестра, которой просто нужно чувствовать, что тот, кого она любит, дышит.

— Мы всегда найдём, — сказала она. — Даже если это будет одна капля. Мы найдём.

Саша посмотрел на трещину, на то, как вода всё так же медленно сочится, будто мир наконец решил, что они достойны этого маленького чуда.

— Этот мир, — тихо сказал он, — не добрый. Но он честный. Если ты ищешь не для того, чтобы взять всё себе, а чтобы выжить... он даёт ровно столько, сколько нужно. Не больше. Но и не меньше.

Рома кивнул, будто подтверждая его слова.

— Он проверяет, — сказал он. — Проверяет, сможем ли мы быть бережными. Сможем ли не потерять друг друга из-за одной капли воды.

Дима посмотрел на Оксану, на её чуть порозовевшие щё-

ки, на то, как она теперь держится ровнее, и тихо улыбнулся:
— Значит, мы прошли проверку.

Оксана закрыла глаза, но не от усталости — от покоя. Впервые за долгое время она позволила себе просто быть. Не бороться, не прятать слабость, не бояться быть обузой. Просто сидеть, чувствовать тепло сестры, прохладу камня и знать: они живы. И они идут дальше.

Где-то впереди мир снова шевельнулся, но теперь этот шёпот не пугал. Он звучал как обещание: «Вы ещё не дошли. Но вы уже не потерялись».

И они сидели, слушая, как капает вода, и учились быть благодарными за самое маленькое чудо.

Глава 16.

Когда ноги перестают слушаться

После глотка воды силы будто на мгновение вернулись — как слабый свет в комнате, где долго стояла темнота. Оксана даже смогла идти чуть ровнее, и на губах у неё мелькнула тень улыбки: не радостной, а благодарной. Но этот свет быстро начал меркнуть. Мир снова потяжелел: каждый шаг давался так, будто к сапогам привязали камни, а воздух стал густым, как сироп, и его приходилось буквально проталкивать в лёгкие.

Тропа петляла, то сужаясь до щели, где приходилось идти по одному, то снова расширяясь, но теперь даже широкие места не приносили облегчения — они только показывали, как далеко ещё идти. Скалы по сторонам казались не просто холодными, а равнодушными, будто им было всё равно, сколько людей здесь упадёт.

Дима шёл, как всегда, чуть впереди, высматривая ловушки. Он старался не терять ритма: шаг, взгляд под ноги, шаг, взгляд вперёд. Но в какой-то момент этот ритм сломался. Сначала он просто запнулся о незаметный выступ, потом чуть не упал, успев в последний момент схватиться за шершавый бок скалы.

— Прости, — выдохнул он, будто извинялся за собствен-

ную слабость. — Я... я не знаю, что со мной.

Саша тут же оказался рядом, подхватил его под локоть, не как больного, а как товарища, который просто поскользнулся на мокрой плитке.

— Не извиняйся, — тихо сказал он. — Ты столько времени смотрел под ноги, что теперь твои ноги просто просят: «Хватит».

Дима попытался усмехнуться, но улыбка вышла кривой и быстро исчезла.

— Я просто... — он снова запнулся, и в этом «просто» было столько усталости, что даже скалы будто притихли. — Я просто не могу больше держать этот взгляд. Не могу не видеть ловушки. Как будто, если я хоть на секунду подниму глаза, я всё испорчу.

Кира подошла с другой стороны, взяла его за вторую руку.

— Тогда не держи, — мягко сказала она. — Мы посмотрим. Мы с Оксаной посмотрим. Ты просто иди. Пусть твои глаза отдохнут.

Оксана, которая сама держалась только на упрямстве и на тепле Кириной руки, вдруг выпрямилась, будто нашла в себе ещё одну, последнюю струну, которую можно натянуть.

— Я вижу, — тихо сказала она, глядя вперёд, туда, где песок снова начинал вести себя странно: не стекал, а будто собирался в маленькие волны, как застывшие гребни. — Там... там что-то не так. Как в прошлый раз. Только медленнее.

Рома прикрыл глаза, прислушиваясь к тишине, которая

здесь никогда не была настоящей.

— Это не ловушка, — прошептал он. — Это... усталость мира. Он тоже устал. И он хочет, чтобы мы тоже устали до конца. Чтобы просто сели и перестали идти.

Миша кивнул, не споря.

— Значит, не сядем, — твёрдо сказал он. — Но и не будем тащить Диму, как мешок. Мы пойдём так, как можем.

Они перестроились. Теперь Дима шёл между Сашей и Кирой, опираясь на их плечи, но не падая на них всем весом — скорее как человек, который знает, что ему не дадут упасть. Оксана шла чуть впереди, рядом с Мишей, и старалась смотреть туда, где земля могла обмануть. Рома замыкал строй, прикрывая глаза и слушая, как мир щёлкает где-то сбоку, будто проверяя, не дрогнут ли они.

Но усталость брала своё не только у Димы. Через несколько шагов Оксана снова почувствовала, как земля будто уходит из-под ног. Не резко, не как провал, а как медленный наклон палубы, когда корабль начинает крениться. Она остановилась, вцепилась пальцами в воздух, будто надеялась найти там опору.

— Мне... — прошептала она, и голос её дрогнул. — Мне снова холодно. И я не понимаю, куда мы идём.

Миша тут же встал перед ней, не давая ей смотреть на бесконечную тропу, а заставляя смотреть только на него.

— Ты не должна понимать всё сразу, — спокойно сказал он. — Ты должна сделать только один шаг. Потом ещё один.

А дорогу мы найдём.

Он протянул руку и показал на чашу с водой, которая осталась позади, но узор в ней всё ещё был виден — тонкая линия, изгибающаяся, как след на стекле.

— Смотри, — тихо сказал Миша. — Он всё ещё показывает. Он не бросил нас.

Узор действительно двигался. Он больше не был стрелкой — он стал похож на неровную цепочку следов, которые вели вдоль скал, туда, где камни расступались, образуя небольшую нишу, будто кто-то вырезал в стене кресло.

— Туда, — выдохнул Рома. — Там можно остановиться. Не навсегда. Но на столько, чтобы снова научиться стоять.

Они дошли до ниши. Дима уже почти не шёл — его вели. Но он не закрывал глаза, не прятался в темноту своей усталости. Он смотрел вперёд, на этот маленький островок покоя, как на обещание: «Ещё немного. Ещё чуть-чуть».

Когда они оказались в нише, Дима медленно опустился на камень, не садясь, а скорее позволяя себе перестать держаться. Он оперся локтями о колени, опустил голову и глубоко, с дрожью, вздохнул.

— Простите, — снова прошептал он, но на этот раз никто не стал его останавливать.

Саша сел рядом, не говоря ни слова, просто положил ладонь ему на плечо. Не сильно, но ощутимо. Чтобы Дима чувствовал: он не один. Что его слабость никого не сломала.

— Ты столько времени держал нас всех, — тихо сказал

Саша. — Ты видел то, чего не видели другие. Теперь позволь другим держать тебя.

Оксана села с другой стороны, прислонилась спиной к тёплому камню и закрыла глаза. Но ненадолго. Через секунду она снова открыла их и посмотрела на Диму.

— Знаешь, — тихо сказала она, — когда я не могла идти, меня держали вы. Теперь моя очередь. Я посижу тут. Просто посижу и буду смотреть, чтобы ты не подумал, что ты нам не нужен. Потому что ты нужен. Ты тот, кто видит ловушки.

Дима поднял голову, посмотрел на неё, потом на всех остальных: на Киру, которая села рядом и просто взяла его за руку; на Мишу, который стоял, прислонившись к скале, и смотрел не на тропу, а на них; на Рому, который прикрыл глаза и слушал, как мир дышит где-то далеко, но всё равно рядом.

— Спасибо, — тихо сказал Дима, и в этих словах было столько облегчения, что даже усталость будто стала чуть легче. — Просто... спасибо, что не ушли вперёд.

Рома открыл глаза, кивнул на узор, который теперь замер в чаше с водой, как будто выдохнул: «Вы на месте. Отдыхайте».

— Он больше не ведёт, — тихо сказал Рома. — Он ждёт. Пока мы снова сможем идти.

И они сидели в этой нише, прижавшись друг к другу, и учились быть не героями, а просто людьми, которым нужно немного времени, чтобы снова почувствовать свои ноги.

Усталость никуда не исчезла, но теперь она не была врагом — она была просто правдой, которую они не прятали друг от друга.

Где-то впереди мир снова шевельнулся, но здесь, в этой маленькой нише, он будто сделал паузу. И в этой паузе было самое важное: они всё ещё были вместе. И пока они были вместе, даже усталость не могла их победить.

Глава 17.

Голос в тишине

В нише было тихо. Не мёртвой, пугающей тишиной, а той, что приходит, когда все наконец перестают бороться и просто дышат. Дима сидел, опустив голову, и его плечи чуть вздрагивали — не от страха, а от того, как тело отпускает напряжение. Оксана прислонилась к тёплому камню, прикрыла глаза, но не спала: она слушала, как рядом ровно дышит Кира. Саша и Миша тихо переговаривались о чём-то совсем будничном — о том, как раньше, в обычной жизни, они пили кофе по утрам, как ждали трамвай, как считали ступеньки, поднимаясь домой. Эти простые слова звучали здесь как заклинание, будто могли удержать их в реальности.

А Рома... Рома сидел чуть в стороне, прислонившись спиной к скале, и прикрыл глаза. Не чтобы спрятаться, а чтобы слышать лучше. Для него тишина никогда не была пустой: она была полна шорохов, вздохов, едва уловимых щелчков, которыми мир выдавал свои трещины.

И вдруг среди этого привычного шума он услышал что-то новое.

Это не был обычный звук — не скрип камня, не шелест песка, не эхо их собственных голосов. Это был голос. Тихий, будто доносившийся издалека, сквозь толщу воды или

сквозь стену. И самое странное — он звучал не снаружи. Он звучал... внутри слуха. Как будто мир сам решил что-то им сказать.

Рома замер, не шевелясь, чтобы не спугнуть этот звук, как спугивают птицу, севшую на край камня.

— Тсс... — выдохнул он, и все тут же замолчали, будто сами почувствовали, что случилось что-то важное.

— Что? — тихо спросил Миша, поворачиваясь к нему. — Ты что-то слышишь?

Рома не сразу ответил. Он снова прислушался, пытаясь отделить этот голос от всех остальных звуков мира. И голос прозвучал снова — не словами, а интонацией. В нём была усталость, похожая на их собственную, и в то же время — настойчивость. Он будто говорил: «Ещё немного. Не туда. Туда».

— Голос, — наконец прошептал Рома. — Не чей-то конкретный. Но... он показывает направление. Как будто кто-то шепчет путь.

Кира нахмурилась, будто пыталась тоже услышать, но для неё была только тишина.

— А что он говорит? — спросила она.

Рома покачал головой.

— Не слова. Я не могу разобрать слова. Но я чувствую... он тянет нас не вперёд, а вбок. Туда, где скалы смыкаются. Там есть проход, который мы не заметили. Очень узкий. Почти невидимый.

Саша посмотрел туда, куда указывал Рома, и прищурился.
— Я ничего не вижу, — тихо сказал он. — Только сплошную стену.

— Потому что он не для глаз, — спокойно ответил Рома.
— Он для слуха. Для того, кто привык слушать мир.

Дима поднял голову, посмотрел на Рому, и в его взгляде было столько доверия, что даже голос, которого никто кроме Ромы не слышал, вдруг стал казаться настоящим.

— Если ты говоришь, что там проход, — тихо сказал Дима, — значит, там проход.

Оксана медленно выпрямилась, опираясь на Киру. Усталость всё ещё держала её, но теперь к ней прибавилось что-то ещё — решимость.

— Тогда нам надо туда, — сказала она. — Если этот голос знает путь... пусть он нас выведет.

Миша встал, подошёл к стене, которую Рома назвал проходом, и провёл по ней ладонью. Камень был шершавым, тёплым, будто хранил остатки дневного света. И в одном месте, почти у самой земли, пальцы Миши нащупали едва заметную выемку — словно кто-то когда-то провёл здесь рукой, оставляя след.

— Здесь, — тихо сказал Миша. — Тут камень чуть выступает. Если встать боком... можно протиснуться.

Он осторожно шагнул в сторону, прижался плечом к скале и медленно, дюйм за дюймом, начал протискиваться в щель. Сначала казалось, что это невозможно: камни будто смыка-

лись, не желая их пропускать. Но потом, когда Миша уже почти отчаялся, щель вдруг чуть расширилась, словно мир решил: «Ладно. Ты прошёл проверку».

Когда Миша оказался по ту сторону, он обернулся и кивнул.

— Тут можно пройти, — прошептал он. — Но по одному. И очень осторожно.

Они двинулись вперёд, друг за другом. Дима шёл теперь не впереди, а посередине: он больше не должен был высматривать ловушки, но он должен был знать, что они рядом. Саша шёл перед ним, готовый в любой момент подхватить. Кира вела Оксану, держа её крепко, но бережно, как держат что-то хрупкое, что нельзя уронить. Рома замыкал строй, прислушиваясь к голосу, который теперь звучал чуть громче, будто радовался, что его слышали.

Когда Рома шагнул в щель, голос вдруг прозвучал ясно и отчётливо — как будто кто-то выдохнул прямо ему в ухо: «Дальше. Прямо. Не останавливайся».

И за стеной, в самом конце узкого прохода, они увидели свет.

Не яркий, не слепящий, а мягкий, как свет луны, пробивающийся сквозь тонкую ткань. Он не был похож на свет этого мира — он был... другим. В нём не было искажения, не было дрожи, не было обмана. Он просто был.

Они вышли из щели и оказались на небольшой площадке, окружённой скалами. В центре площадки стояла каменная

чаша, похожая на ту, что они видели раньше, но эта была наполнена не водой, а светом. Он переливался, как жидкое серебро, и в нём, как в зеркале, отражались не их искажённые лица, а настоящие — такие, какими они были до того, как попали в этот мир.

Оксана подошла ближе, протянула руку, и свет коснулся её пальцев, не обжигая, а согревая.

— Он настоящий, — прошептала она. — Как будто... как будто это кусочек дома.

Рома стоял рядом, и голос, который он слышал, теперь затих. Но в этой тишине было что-то окончательное, как точка в конце долгого предложения.

— Он привёл нас сюда, — тихо сказал Рома. — Кто бы это ни был... он хотел, чтобы мы нашли это место.

Дима подошёл и встал рядом с ним, глядя на свет, который тихо переливался в чаше.

— Значит, мы не одни, — тихо сказал он. — Даже если мы не видим тех, кто нам помогает... они есть.

Саша положил руку ему на плечо.

— И мы тоже не одни, — спокойно сказал он. — Мы здесь. Вместе.

Они стояли вокруг чаши, чувствуя, как усталость понемногу отпускает их, уступая место чему-то новому — надежде. Не громкой, не кричащей, а тихой, как этот свет, как голос, который слышал только Рома, но который, казалось, был предназначен для всех них.

Где-то впереди мир снова шевельнулся, но теперь это движение не пугало. Оно звучало как обещание: «Вы почти у цели. Ещё немного. Держитесь друг за друга».

Глава 18.

Голос для каждого

Сначала это было похоже на эхо: будто голос, который слышал только Рома, отразился от стен чаши со светом и вернулся уже не к одному, а ко всем. Но потом он перестал быть общим — он стал личным.

Для каждого он звучал по-своему. Не одними и теми же словами, а тем, что было важнее всего именно ему.

Рома слышал самое простое и оттого самое нужное: «Ты не сходишь с пути. Ты ведёшь. Ещё немного». И в этих словах не было ни пафоса, ни приказа — только тихое признание: его слух здесь не случайность, он нужен.

Дима слышал совсем другое. Голос прозвучал как шёпот рядом с ухом: «Ты видишь то, чего не видят другие. Это не проклятие. Это твой дар. Не прячь его». Дима замер, будто эти слова были тяжелее любого камня, но при этом держали его крепче любой опоры. Он медленно поднял голову, посмотрел на тропу впереди — и впервые за долгое время не почувствовал, что он здесь лишний.

Саша слышал имя. Одно-единственное, тихое, как вздох: «Аня». Не обвинение, не упрёк, не напоминание о вине — а просто признание: «Она помнит. И ты можешь идти дальше, не таща её на себе». Саша на секунду прикрыл глаза, и

когда открыл их снова, в них было не столько облегчения, сколько свободы — будто с плеч действительно упало что-то тяжёлое.

Кира слышала не слова, а интонацию. Ту самую, с которой мама когда-то говорила: «Я рядом. Что бы ни случилось, я рядом». И от этой интонации у неё защипало в глазах, но плакать не хотелось. Хотелось просто крепче держать Оксану, потому что теперь она точно знала: быть опорой — это не значит быть стальной. Это значит быть настоящей.

Миша слышал ритм. Не слова, а мерный, спокойный стук, похожий на шаг в темноте: «Раз. Два. Три. Не торопись. Ты знаешь, куда идти». И этот ритм вдруг совпал с его собственным дыханием, и мир перестал казаться хаотичным. Он снова увидел путь — не как линию на карте, а как последовательность шагов, которые можно сделать один за другим.

А Оксана... Оксана слышала самое тихое и самое важное: «Тебе не нужно быть сильной всё время. Просто будь. Мы здесь». И эти слова упали прямо в ту пустоту, которую она столько времени пыталась заполнить усилием воли. Она не стала сильнее в ту секунду — она стала спокойнее. И этого оказалось достаточно, чтобы снова почувствовать свои ноги.

Они стояли вокруг чаши, и свет в ней переливался, будто отражал не их лица, а их внутренние голоса. Каждый смотрел куда-то в себя, а потом — друг на друга. И в этом обмене взглядами было больше слов, чем можно было бы сказать.

— Вы тоже слышали? — тихо спросил Рома, оглядывая всех. — Не просто шум. А... для каждого своё.

Дима кивнул, не пытаясь подобрать правильные слова.

— Да, — сказал он. — Как будто кто-то знал, что именно мне нужно услышать.

Оксана медленно выдохнула, будто сбрасывая с плеч невидимый груз.

— Мне сказали, что я могу просто быть, — прошептала она. — И что вы здесь.

Кира улыбнулась — не широко, а так, как улыбаются, когда понимают, что самое страшное уже позади.

— А мне сказали, что я не одна, — тихо сказала она. — Что меня слышат.

Саша посмотрел на чашу, на свет, который теперь не просто переливался, а будто пульсировал в такт их дыханию.

— Значит, этот мир... — начал он и запнулся, подбирая слова. — Он не просто испытывает нас. Он слушает. И отвечает. На самое главное.

Миша шагнул ближе к чаше, протянул руку, и свет на секунду сгустился, коснулся его пальцев, как будто подтверждал: «Да. Ты ведёшь их правильно».

— Тогда идём, — спокойно сказал Миша. — Не потому что мы стали сильнее. А потому что теперь мы знаем: нас слышат. И мы слышим друг друга.

Свет в чаше вдруг вытянулся тонкой дорожкой, не яркой,

но отчётливой, и лёг на камни, указывая путь. Не вперёд, не в обход, а прямо туда, где скалы расступались, образуя проход, который раньше казался просто тенью.

Они двинулись за этой дорожкой, плечом к плечу. Оксана шла, опираясь на Киру, но теперь её шаги были не отчаянными, а собранными. Дима смотрел под ноги, но уже без страха, что он что-то испортит. Саша шёл рядом, и в его взгляде не было той тяжести, которая столько времени тянула его назад. Рома прислушивался, но теперь ему не нужно было напрягаться: голос больше не прятался, он звучал ясно и ровно, как компас, который наконец-то перестал барахлить.

Когда они подошли к проходу, дорожка света растаяла, будто выполнила свою работу. Скалы перед ними дрогнули, не от землетрясения, а от какого-то внутреннего движения, и проход стал шире — не настолько, чтобы в него могла въехать машина, но достаточно, чтобы шестеро могли пройти рядом, не размыкая рук.

За проходом открывалось пространство, непохожее на всё, что они видели раньше. Здесь камни были не серыми, а тёплыми, охристыми, будто помнили солнце. Здесь воздух не давил, а мягко касался кожи. И где-то впереди, за поворотом, слышался тихий, ровный звук — не голос, не шёпот, а что-то похожее на дыхание большого, живого мира, который наконец перестал притворяться врагом.

Они остановились на пороге, вдыхая этот новый воздух, и каждый из них понимал: они ещё не дома. Но они уже вышли

из самой тёмной части пути.

— Спасибо, — тихо сказала Оксана, оглядываясь на чашу, которая теперь казалась просто камнем, без всякого света.
— За то, что слышали нас.

И никто не знал, кому она говорит — этому миру, тем, кто шептал им слова, или просто своим друзьям, которые стояли рядом и не дали ей упасть.

— Мы всегда будем слышать, — спокойно ответил Саша.
— Что бы ни ждало нас дальше.

И они шагнули вперёд, уже не как люди, которых мир пытался сломать, а как команда, которую мир наконец признал.

Глава 19.

На пороге

Проход вывел их на край плато — и там, где скалы обрывались, мир будто трескался. Не камнем, не землёй, а самой реальностью. По краю этой трещины воздух дрожал, как над горячим асфальтом, и в дрожании мелькало что-то до боли знакомое: угол крыши, ветка дерева, кусочек неба, которое было не серым, а живым, синим. Это была граница. До дома оставалось не так далеко — но и не близко. Достаточно, чтобы силы, собранные по крохам, вдруг кончились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.